

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Веселов А. П. Кафедра истории ЛЭТИ в послевоенные годы 3
- Калашников В. В. Суверенизация Татарстана в «эпоху Ельцина» 8
- Узлова И. В. Государственная Дума первого созыва: меморандум о согласии (февраль 1994 г.) 13
- Яльшиев Р. А. Закон СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» и его влияние на взаимоотношения центр – республики – автономии 20

СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Кудрявцева М. Е. К проблеме формирования творческих потребностей взрослого человека (теоретический анализ) 26
- Мамина Р. И. Роль делового этикета в формировании имиджа 32
- Пирайнен Е. В. Проблема социокультурных оснований милитари-имиджа 39
- Преображенская О. А. Локально-прецедентные феномены: пространство Санкт-Петербурга 43
- Ронзина М. Д. Корпоративная культура как инструмент управления персоналом 47
- Склярлова А. М. Современные педагогические концепции образования и воспитания 51

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- Калинина В. В. Основные проблемы философии науки
С. Н. Булгакова 58
- Колганова Л. В. Информационно-коммуникативные связи в современной научной реальности 63
- Луговой А. А., Луговая О. А. Социокультурные предпосылки развития философии физики в 20–30-х гг. XX в. 67
- Петров А. А. Постмодернизм и необходимость диалога между «двумя культурами» 72
- Чепкасова Е. В. Язык современной науки 76

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Журавлева Ю. В. Эмоционально-оценочный компонент в структуре значения лексических единиц 80
- Шумков А. А. Субстантиваторы и ориентационные уточнители семифинитивов глагольных единиц 83

Редакционная коллегия:

- О. Ю. Маркова
(главный редактор),
Н. К. Гигаури
(ответственная за выпуск),
В. В. Калашников,
С. Л. Бурлакова,
О. А. Преображенская,
А. В. Ранчин,
Е. В. Строецкая

Редактор *И. Г. Скачек*
Комп. верстка *Н. Б. Хохлачев*

Подписано в печать 29.12.05г.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс».
Печать: ризограф.
Печ. л. 10,75.
Тираж 100 экз. Заказ .

Издательство
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

197376, Санкт-Петербург,
ул. Проф. Попова, 5

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2005

УДК 940.55 (47 = 57)

А. П. Веселов

КАФЕДРА ИСТОРИИ ЛЭТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Посвящена деятельности кафедры истории ЛЭТИ в послевоенный период.

ЛЭТИ, кафедра истории

В послевоенный период шел процесс совершенствования преподавания общественных наук в высших учебных заведениях страны. Эта работа стала особенно плодотворной после XX съезда КПСС (1956), который осудил культ личности Сталина и положил начало серьезной перестройке всей идеологической работы в стране, в том числе преподаванию общественных наук в вузах. Снимались многие запреты и ограничения в использовании учебной научно-популярной литературы. В области исторического знания ведущие издательства и университеты страны стали публиковать курсы лекций, новые монографии, популярные брошюры по малоисследованным проблемам, «белым пятнам» истории. Переиздавались лучшие труды крупных историков досоветского периода, таких как В. О. Ключевский, С. М. Соловьев и др.

По решению Министерства высшего образования гуманитарные кафедры в 60-х гг. претерпели существенные структурные преобразования. В ЛЭТИ в октябре 1960 г. кафедра марксизма-ленинизма разделилась на две самостоятельные кафедры: истории КПСС и диалектического и исторического материализма.

Создание самостоятельной кафедры исторического профиля позволило серьезно улучшить процесс преподавания истории и формирования гражданской и патриотической позиции молодежи. Следует отметить, что новые курсы истории партии не читались как узкопартийная история. Напротив, по сути, это были курсы истории России и СССР в XX в. Они давали глубокие знания по всем основным проблемам отечественной истории. Последние темы курса были посвящены анализу текущей внутренней и внешней политики правящей партии. Это позволяло достаточно глубоко знакомить студентов с тем, что происходит в стране, формировать активную гражданскую позицию, чувство сопричастности к тому созидательному процессу, которым жила вся страна. Анализ основных направлений внешней политики СССР позволял знакомить студентов с основными тенденциями развития мировой политики.

В новых условиях у преподавателей истории появились большие возможности для проявления собственной инициативы. В ЛЭТИ большое внимание уделялось воспитанию студенчества на традициях вуза. В этих целях преподаватели кафедры в лекциях и на семинарских занятиях широко привлекали материалы, связанные с историей вуза. Так, в теме, посвященной революционному движению в начале XX в., студентам поручалась подготовка докладов о деятельности студенческой группы «искровского» направления, обра-

зовавшейся в ЭТИ в этот период. При изучении истории первой русской революции использовались интересные воспоминания членкора Академии наук, бывшего студента ЭТИ Коваленкова о пребывании в ЭТИ В. И. Ленина в 1905–1906 гг. При изучении периода восстановления экономики страны после окончания Гражданской войны историки обращали внимание студентов на ту большую роль, которую сыграли ученые ЛЭТИ в разработке и осуществлении плана ГОЭЛРО.

В 1960-е гг. существенно укрепилась материальная база кафедры, появилось много наглядных пособий. В учебном кабинете кафедры были в достаточном количестве представлены журналы исторического профиля, тематические альбомы, карты, комплекты слайдов (диафильмов) по всем темам курса. В институте действовал учебный кинозал, где демонстрировались документальные и художественные киноленты по исторической проблематике.

Заметно вырос уровень преподавания. В 1970–80-е гг. быстро росло число молодых преподавателей, защитивших кандидатские диссертации. Эффективным средством совершенствования методического мастерства были открытые лекции и семинары преподавателей. Они позволяли демонстрировать лучшие методические приемы опытных преподавателей, подмечать и исправлять ошибки начинающих.

Вспоминается открытая лекция кандидата исторических наук Татьяны Леонидовны Ковалевой в первый год ее работы на кафедре. Лекция была посвящена истории первой русской революции. Живая и четкая манера изложения, умелое раскрытие основных проблем революции вызвали внимание и интерес слушателей. Однако вся лекция была прочитана в быстром темпе. Не рассчитав времени, за 10 минут до звонка, лектор объявила, что все необходимое по теме уже изложено и если у студентов нет вопросов, они могут быть свободны. Стесняясь присутствия в аудитории десятка преподавателей, студенты от вопросов воздержались, и лекция закончилась раньше срока. При обсуждении лекции Татьяны Леонидовны коллеги положительно оценили ее содержание, но отметили, что быстрый темп изложения не позволял студентам вести необходимые записи. Молодому коллеге посоветовали при наличии времени сделать в конце лекции резюме, обратив внимание студентов на наиболее важные уроки и итоги русской революции и т. д. Замечания были сделаны в очень доброжелательной манере. Товарищеская помощь способствовала быстрому становлению молодого преподавателя, и скоро Т. Л. Ковалева стала одним из лучших преподавателей кафедры.

Не менее действенной формой обмена методическим опытом были индивидуальные взаимные посещения лекций и семинаров.

С середины 60-х гг. по инициативе доцента А. М. Разумовского преподаватели кафедры стали проводить семинарские занятия по ряду тем в музеях города. Эта была совершенно новая, в отличие от традиционных экскурсий, форма использования музеев в учебном процессе. Здесь сами студенты 5–6 человек, предварительно изучив музейную экспозицию, выступали перед своими товарищами в роли экскурсоводов. В своем рассказе они использовали музейные экспонаты. Вся студенческая группа не пассивно слушала товарища, а, прочитав дома учебник, задавала вопросы, записывала интересные сведения в тетради. Практически все присутствующие включались в активную работу.

О большой пользе семинаров в музее говорили сами студенты. Студентка Валя Афонина в газете «Электрик» отмечала: «Во-первых, чувствуешь ответственность за ход семинара, стараешься, чтобы ребята, так же, как и ты, поняли, прочувствовали то, о чем рассказываешь. Кроме того, готовясь к занятию, дополнительно изучаешь многие документы, материалы эпохи и запас знаний при этом, конечно, возрастает».

Необходимо заметить, что в печатной методической литературе того времени совершенно отсутствовали указания, как проводить семинар в музее. На основе практического опыта автору настоящей статьи кафедрой было предложено написать пособие «Семинарское занятие в музее». Оно было опубликовано издательством ЛЭТИ и долго служило основным руководством для проведения этого вида занятий для многих преподавателей вузов нашего города. Наш опыт заинтересовал редакцию журнала «Вопросы истории КПСС». В апреле 1976 г. журнал дал развернутую статью о проведении нами семинаров в Музее Октябрьской социалистической революции.

По мере накопления и углубления опыта работы кафедра стала проводить в музеях не только семинары, но и научные студенческие конференции. Такие конференции проходили в Музеях истории Ленинграда, Октябрьской революции и др. В 1988 г. в Музее С. М. Кирова состоялась научно-практическая конференция, посвященная 70-летию Советских Вооруженных Сил. С сообщением «Киров и Вооруженные Силы страны» выступил, используя архив музея, студент Б. Шульман. Он показал большой вклад руководителя ленинградских коммунистов и всей партийной организации города в укрепление боевой мощи Красной Армии и Военно-Морского Флота в период первых пятилеток. На конференции выступили и ветераны войны. Гвардии капитан П. И. Вязанкин, служивший на ладожской Дороге жизни, рассказал о ее роли в снабжении блокадного Ленинграда. О блестяще проведенной нашими войсками операции «Багратион» по освобождению Белоруссии рассказал ее участник капитан Мирошниченко. Об этой и других конференциях в музеях мною и доцентом А. Т. Клебановым были опубликованы статьи в центральных московских журналах.

На новую ступень поднялась учебная и воспитательная работа кафедры с образованием при ней в 1964 г. Школы молодого лектора (ШМЛ). Впервые в городе в нашем вузе стали работать две секции: пропагандистов и экскурсоводов. К нашей радости в техническом вузе нашлось много студентов, которые были готовы заниматься в этих секциях. В школу мог записаться любой студент при условии, что у него нет академической задолженности. В 70-х гг. в стенах школы ежегодно занималось около 400 студентов. Их силами ежегодно читалось почти 2 тыс. лекций в средних школах и на предприятиях города.

ШМЛ давала будущим специалистам подлинную путевку в жизнь. По окончании школы они получали удостоверение о приобретении второй профессии: лектора или экскурсовода. Многие выпускники ШМЛ со временем стали опытными лекторами, были приняты во всесоюзное общество «Знание». В их число входил Виктор Петухов, ставший затем преподавателем ЛЭТИ. Как-то в беседе он сказал: «Сколько же лекций прочитал, а каждую творишь будто заново...».

Студенты, занимавшиеся в ШМЛ, как правило, на экзаменах, семинарских занятиях демонстрировали более глубокие и прочные знания по нашему предмету. По решению кафедры слушатели ШМЛ могли сдавать экзамен досрочно, что для них было очень удоб-

но, так как увеличивало на 3–4 дня подготовку к экзаменам по сложным техническим дисциплинам.

«Родной сестрой» секции лекторов являлась в ШМЛ секция экскурсоводов. Мне выпала судьба около 20 лет руководить этой секцией, разрабатывать систему подготовки экскурсоводов-общественников, рассказывать о нашей работе в институтской печати и в центральных московских журналах. За годы существования секции сложилась стройная система овладения профессией экскурсовода. Занятия проходили один раз в неделю, с октября до конца марта, с перерывом на время экзаменов и каникул. С учетом специфики музея будущие экскурсоводы слушали 5–6 методических лекций, читаемых научными сотрудниками музея, участвовали в 3–4 методических семинарах, на которых ребята сами пробовали силы в раскрытии экспозиции. Данный этап занятий приходился в основном на первый учебный семестр (октябрь–декабрь).

На втором этапе студенты самостоятельно изучали документы и экспонаты музея, познакомились с мемориальной и художественной литературой по теме, писали «рабочие конспекты» экскурсий. При завершении подготовки в присутствии преподавателя сдавался экзамен методисту музея на звание экскурсовода-общественника.

Как признавались сами студенты, освоение музейных экспозиций, а затем проведение экскурсий было нелегким, но очень интересным и увлекательным делом. «Мы работали только в восьми залах Музея Октябрьской революции, – писал староста 311-й группы А. Назимок в газете «Электрик», – но как много узнали о деятельности многих революционеров, политических деятелей, глубоко почувствовали величие их подвига... Экскурсанты, школьники, учащиеся ПТУ принимали нас очень тепло и приветливо. А педагоги, приводившие в музей своих учеников, отмечали в книге отзывов хорошее качество наших экскурсий. Каждый из нас провел по 5–6 экскурсий. А часть девочек провели даже по восемь, их работа была отмечена на юбилейном заседании ШМЛ».

Высокую оценку работе экскурсоводов, в том числе со взрослой аудиторией, давали работники музеев. Заведующая экскурсионно-массовым отделом Музея Октябрьской революции Елизавета Коршун так отзывалась об экскурсии студентки Ольги Куш: «Экскурсовод вела экскурсию очень интересно, увлекательно. Экскурсанты выразили ей благодарность».

Вспоминается памятный эпизод в Музее С. М. Кирова. Здесь один штатный экскурсовод был в командировке, другой заболел. Директор музея Г. И. Федорова попросила двух наших девушек, досконально изучивших экспозицию, поработать в музее в воскресенье, когда приходят приезжие экскурсанты. Одну экскурсию пришлось вести для жителей Латвии, прибывших с туравтобусом. Студентки, выступая по очереди, провели расширенную обзорную экскурсию. Гости из Латвии были так тронуты эмоциональным рассказом, что решили подарить девушкам вышитые национальным узором салфетки. Когда смутившиеся рассказчицы попытались отказаться от подарков, им дружно заявили: «Что Вы, что Вы, у нас принято хорошим людям, делающим добро, дарить что-либо на память. Такой у нас обычай. Пожалуйста, не обижайте нас». Наверное, этот случай надолго запомнился нашим девочкам-экскурсоводам.

Подготовка студентов-экскурсоводов велась в четырех музеях города: Филиале Центрального музея В. И. Ленина, Музее Октябрьской социалистической революции, Музее истории Ленинграда и Музее С. М. Кирова. В каждом из них вместе с преподавателем работало 15–20 студентов, обычно одной академической группы. За высокое качество своей работы Школа молодого лектора ЛЭТИ, куда входила секция экскурсоводов, была удостоена премии и грамоты ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства).

В 1980 г. ШМЛ была преобразована в факультет общественных профессий (ФОП). Наш ФОП, как и школа лектора, явился одним из первых в Ленинграде по времени возникновения и показателям работы. Занятия групп «фоповцев» проходили на всех гуманитарных и многих технических кафедрах. На них студенты овладевали навыками общественной деятельности по 23 направлениям.

В середине 80-х гг. наша кафедра разработала спецкурс «Основы организаторской и общественно-политической работы в коллективе». Он стал основой общественно-политической практики студентов (ОПП). Спецкурс читался студентам 1–4-го курсов. Он состоял из трех взаимосвязанных частей: «Школа пропагандиста» (на 1-м курсе), «Школа воспитателя» (на 2-м курсе), «Школа организатора» (на 3-м и 4-м курсах). В целях укрепления связи с трудовыми коллективами и расширения возможностей для общественно-политической деятельности студентов комсомол ЛЭТИ в 1980 г. заключил договоры с 27 промышленными предприятиями города. Среди них были Научно-производственное объединение (НПО) «Светлана», заводы «Позитрон», «Электрик» и др.

Раньше далеко не каждый молодой специалист, приходя на производство, был вооружен умением работать с людьми. Нередко выпускники вуза предпочитали «общение» с приборами, боялись производства, его проблем и трудностей. Ликвидация этого недостатка, «ахиллесовой пяты» инженера, была главной целью совершенствования общеполитической практики в подготовке студентов.

Рассказ об общественно-полезной деятельности студентов следует дополнить их участием в научно-исследовательских работах. С начала 60-х гг. наиболее успевающих студентов кафедра стала привлекать к написанию рефератов на актуальные исторические темы, высшей политики, молодежного движения. С ними они выступали в своих семинарских группах. Лучшие работы направлялись на институтский и городской конкурсы студенческих исследований.

Со временем студенческий конкурс становился широким, массовым. В 1968 г. в 29 вузах Ленинграда в нем участвовала 21 тыс. студентов. В ЛЭТИ конкурс носил также массовый характер. С первого по четвертый курсы в него включалось около 700 человек. От историко-партийной кафедры, где мне пришлось быть председателем Оргкомитета, после тщательного отбора на городской конкурс было выдвинуто 15 работ. Половина из них городское жюри отметило грамотами и дипломами. А исследования студентов Л. Власовой, В. Крюкова, Г. Шведун получили высшую оценку и были рекомендованы городским оргкомитетом на республиканский тур конкурса. Студенческие конкурсы явились хорошей школой гражданского становления и воспитания студенчества. Их участники получали первые навыки научных исследований, опыт работы над первоисточниками. Выступления в различных аудиториях прививали вкус к пропагандистской работе, развивали чувство ответственности.

Так, используя различные формы учебной и внеучебной деятельности, кафедра исторического профиля решала свою главную задачу по формированию из студентов молодых специалистов с четкой гражданской позицией, готовых трудиться на благо своей Родины.

A. P. Veselov

THE DEPARTMENT OF HISTORY AT THE LENINGRAD ELECTROTECHNICAL INSTITUTE IN THE POST WAR PERIOD

The article describes the activities of the department of History of the Leningrad Electrical Engineering Institute in the post war period.

Leningrad Electrical Engineering Institute, Department of History

УДК 940.55 (47=57)

В. В. Калашиников

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ ТАТАРСТАНА В «ЭПОХУ ЕЛЬЦИНА»

Рассматриваются вопросы становления новых федеративных отношений в РФ в «эпоху Ельцина» на примере Татарстана.

Татарстан, Российская Федерация, суверенитет, Ельцин

Одним из важных следствий политики гласности и демократизации, проводившейся М. С. Горбачевым в эпоху «перестройки», стал процесс суверенизации бывших автономных республик в составе Российской Федерации.

Наиболее крупные из автономий РСФСР уже в начале 1990 г. выступали за поднятие своего статуса до уровня союзных республик. После принятия Первым съездом народных депутатов РСФСР в июне 1990 г. Декларации о государственном суверенитете России процесс суверенизации охватил все автономные образования. В течение нескольких месяцев декларации о суверенитете приняли Верховные Советы всех автономных республик в составе РСФСР. Как правило, декларации автономий во многом повторяли положения российской декларации и провозглашали *государственный суверенитет своих республик, верховенство республиканских законов на территории республики, право собственности на все природные ресурсы на своей территории*¹.

Одним из лидеров процесса суверенизации автономий являлся Татарстан.

Верховный Совет ТАССР принял **Декларацию о государственном суверенитете республики** 30 августа 1990 г. В декларации подчеркивалось, что прежний статус автономной республики не соответствует интересам дальнейшего развития ее многонационального народа. Провозглашался государственный суверенитет Татарии, которая преобразовывалась в Татарскую Советскую Социалистическую Республику – Республику Татарстан. Вторая статья декларации говорила о том, что «земля, ее недра, природные богатства и другие ресурсы на территории Татарской ССР являются *исключительной собственностью ее народа*»².

¹ См. тексты деклараций в сборнике документов: Национальные отношения в СССР. Опыт и проблемы. М.: Политиздат, 1990.

² Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. Казань: Панорама-Форум, 1996. № 8. Док. 1. С. 3.

Следует отметить, что вопрос о поднятии статуса для Татарстана, равно как и для большинства автономных республик РСФСР, не был вопросом о сепаратизме: в марте 1991 г. на референдуме по вопросу о судьбе СССР во всех автономных республиках РСФСР за исключением Чечни большинство населения проголосовало за сохранение союзного государства¹.

В Татарстане в референдуме по вопросу о судьбе СССР приняли участие 77 % избирателей республики, и 87,5 % из них высказались «за» сохранение СССР. Опираясь на результаты референдума, руководство Татарстана выступило за скорейшее подписание нового союзного договора, но заявило о намерении Татарстана самостоятельно подписать новый союзный договор в качестве соучредителя нового Союза ССР и требовало «ликвидации ранжирования республик на союзные и автономные» и «укрепления СССР как союза равноправных республик»².

Б. Н. Ельцин, которому предстояли президентские выборы в июне 1991 г., был вынужден фактически признать позицию Татарстана в этом вопросе.

Следует отметить, что хотя процесс суверенизации автономных республик создавал проблемы для единства России, новое руководство России не могло прямо выступать против него. Позицию нового руководства хорошо выразила знаменитая фраза Ельцина о том, что народы РСФСР могут взять «ту долю власти, которую сами смогут проглотить».

В Москве 12–15 августа 1991 г. состоялись консультации делегаций РСФСР и Республики Татарстан. В протоколе по итогам консультаций констатировалось, что «Российская Федерация, понимая и уважая стремление Республики Татарстан к обновлению и повышению ее статуса, *согласилась ориентироваться на использование договорных форм регулирования своих отношений*» с этой республикой³.

После провала ГКЧП Верховный Совет Татарстана 24 октября 1991 г. принял **Акт о государственной независимости Татарстана**, в котором, в частности, предусматривалось проведение республиканского референдума о государственном статусе республики.

26 декабря 1991 г. Верховный Совет Республики Татарстан заявил о вхождении Республики Татарстан в Содружество независимых государств *на правах учредителя*⁴.

Москва проигнорировала это заявление, но 22 января 1992 г. было подписано Соглашение Правительства Российской Федерации с Правительством Республики Татарстан об экономическом сотрудничестве, которое предусматривало, что «стороны самостоятельно осуществляют *внешнеэкономическую деятельность* и заключают договоры по другим вопросам, представляющим взаимный интерес»⁵.

21 марта 1992 г. в Татарстане состоялся **референдум** с вопросом: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?» «Да» или «Нет».

---

¹ В Чечено-Ингушетии в голосовании участвовало всего 59 % избирателей, имевших право голоса. Из них 75,9 % ответили положительно. В основном это были русские и ингуши.

² Белая книга Татарстана... Док. 4. С. 10.

³ Там же. Док. 7-2. С. 19.

⁴ Там же. Док. 6. С. 15.

⁵ Там же. Док. 7-2. С. 19.

Накануне референдума Конституционный суд РФ на заседании от 12–13 марта рассмотрел дело о конституционности Декларации о суверенитете Татарстана и последующих республиканских законов, направленных на изменение статуса этой республики в составе РФ. В своем решении судьи Конституционного суда отметили, что «в отличие от подобных деклараций других республик в составе РСФСР, Декларация о государственном суверенитете Республики Татарстан *совершенно не упоминает о том, что Татарстан состоит в РСФСР*. ... Законом об изменениях и дополнениях Конституции Татарстана из текста его Основного закона *изъяты положения о том, что республика находится в составе РСФСР и о верховенстве законов РСФСР над законами Республики Татарстан*». конституционный суд РСФСР признал положения Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан, ограничивающие действие законов РСФСР на территории Татарстана, *не соответствующими Конституции РСФСР*.

Касаясь вопроса предстоящего референдума, суд отметил: «Республика Татарстан имеет право на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе, поскольку это право производно от права народа на самоопределение, закрепленного постановлением Съезда народных депутатов РСФСР о Федеративном договоре и международными пактами о правах человека. В то же время международное право требует соблюдения при реализации права на самоопределение принципа территориальной целостности и прав человека.

Конституция РСФСР не предусматривает права республик в составе РСФСР на выход из федерации. Не предусмотрено оно и в Конституции Республики Татарстан. Одностороннее установление Татарстаном такого права означало бы признание правомерности полного или частичного нарушения территориального единства суверенного федеративного государства и национального единства населяющих его народов. Любые действия, имеющие целью нарушение этого единства, наносят ущерб конституционному строю РСФСР и несовместимы с международными нормами о правах человека и правах народов». Постановление Верховного Совета Республики Татарстан о проведении референдума признано не соответствующим Конституции РСФСР в части формулировки вопроса, предусматривающей, что Татарстан является субъектом международного права и строит свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров¹.

После решения Конституционного суда Верховный Совет РФ направил гражданам Татарстана Обращение, в котором высказал опасения, что итоги референдума могут быть использованы для того, чтобы «разорвать вековые связи татарского народа с другими народами и выйти из состава Российской Федерации».

Президиум Верховного Совета Татарстана отверг обвинения Республики в сепаратизме и заявил, что «референдум – это перспектива новых справедливых и взаимовыгодных отношений между народами России, перспектива подлинного Союза Татарстана и России, основанного на исторических связях России и Татарстана».

Несмотря на обращение Верховного Совета РФ и последующий призыв президента Ельцина голосовать на референдуме «против», более 61 % проголосовавших выска-

---

¹ Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 1992 март–апрель. С. 47.

зались «за», 37 % – «против». В голосовании участвовало 82 % избирателей, имевших право голоса.

После референдума руководство Татарстана заявило о готовности вступить в переговоры с Москвой о статусе своей республики в составе РФ. Президент М. Шаймиев, в частности, пояснил, что речь может идти о передаче Татарстаном в ведение России вопросов, связанных с обороной и безопасностью.

Такая позиция не вписывалась в подготовленный в Москве проект Федеративного договора, который предлагалось заключить со всеми бывшими автономиями РСФСР. Москва попыталась убедить руководство Татарстана подписать Федеративный договор. 31 марта 1992 г. договор был подписан всеми бывшими автономиями, за исключением Чечни и Татарстана. Однако позиция Татарстана существенно отличалась от позиции Чечни. Руководство Чечни уже в 1991 г. заявило о своей полной государственной независимости, а Татарстан искал новые формы своего вхождения в состав Российской Федерации.

В ноябре 1992 г. Татарстан принял **Конституцию**, согласно которой (ст. 1, 61) Республика Татарстан определялась как «суверенное государство, субъект международного права, *ассоциированное* с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения». В тот момент такого договора еще не существовало.

В то же время в Конституции было записано, что «граждане Республики Татарстан обладают гражданством Российской Федерации – России» (ст. 19)¹. Таким образом, через институт гражданства государственная связь с РФ признавалась.

После принятия Конституции Татарстана руководство республики обратилось к руководству РФ с предложением включить в разрабатываемый проект новой российской Конституции положение о том, что отношения России и Татарстана строятся как «договорно-конституционные». Однако положительного ответа не последовало.

Тогда своеобразной формой давления на президента Б. Н. Ельцина стала позиция руководства Татарстана в ходе проведения общероссийского **референдума 25 апреля 1993 г.** с вопросами о поддержке курса реформ, доверии президенту РФ, народным депутатам и др. В Татарстане референдум не состоялся в связи с явкой лишь 22,8 % избирателей.

Опираясь на данное обстоятельство, президент М. Шаймиев 10 мая 1993 г. направил официальное письмо Б. Ельцину, в котором упрекнул российскую сторону за отказ от подписания договора о разграничении полномочий и заявил, что «такое состояние неопределенности в регулировании наших двусторонних отношений может создать в дальнейшем реальные трудности при формировании новых структур власти и управления Российской Федерации, а также привести к отсутствию представительства Республики Татарстан в федеральных структурах». В письме говорилось о том, что «назрело время для официального признания» нового государственного статуса Татарстана и «включения в проект новой Конституции Российской Федерации отдельного положе-

---

¹ Белая книга Татарстана... Док. 8. С. 25.

ния о договорно-конституционных отношениях между Российской Федерацией и Республикой Татарстан на *основе ассоциации*, оформленной в виде Договора и двусторонних соглашений»¹.

12 декабря 1993 г. в Татарстане в **референдуме по новой Конституции РФ** приняло участие только 13,8 % избирателей, из них за ее принятие проголосовало 10 %. Из-за низкой явки избирателей не состоялись и выборы депутатов в Государственную Думу.

Оказавшись перед реальной угрозой выхода Татарстана за правовое поле Российской Федерации, Б. Н. Ельцин согласился на компромисс, в результате которого 15 февраля 1994 г. и был подписан «Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан». Строго говоря, этот договор выходил за рамки только что принятой Конституции РФ. В нем нарушалась норма о равноправии российских регионов, которая была зафиксирована в новой Конституции РФ, поскольку Татарстану представлялось гораздо больше прав, чем другим субъектам РФ.

В договоре закреплялось положение о том, что «земля, недра, водные, лесные и другие природные ресурсы, а также государственные предприятия, организации, другое движимое и недвижимое государственное имущество, расположенные на территории Республики Татарстан, являются исключительным достоянием и собственностью народа Татарстана, за исключением объектов федеральной собственности».

В то же время, хотя в договоре полностью подтверждалась роль Конституции Татарстана как одной из основ во взаимоотношениях с Россией, конституционный тезис о статусе республики Татарстан как **«суверенного государства, ассоциированного с Россией»** в тексте договора не воспроизводился. В преамбуле договора речь шла о том, что обе стороны «учитывают, что Республика Татарстан как государство *объединена* с Российской Федерацией Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан и договором о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий». Таким образом, с одной стороны, сохранялась идея Конституции Татарстана о том, что *эта республика «объединена» с Россией, а не входит в состав России*. С другой стороны, подтверждалось признание Татарстаном Конституции РФ как одной из основ объединенного государства.

Помимо этого в тексте говорилось о том, что обе стороны «гарантируют сохранение территориальной целостности и единства экономического пространства».

Договор сыграл важную роль в дальнейшем урегулировании отношений с другими бывшими автономиями. Этот договор предлагался Москвой и как модель для заключения договора с Чечней. Однако президент Дудаев требовал для Чечни статуса, не ниже чем у государств-членов СНГ. Это закрыло возможность мирного решения чеченской проблемы и привело к войне в Чечне. Компромисс, достигнутый между Москвой и Казанью в тот период, был оправдан и предотвратил развитие событий по чеченскому сценарию. В то же время определенная противоречивость подписанных тогда документов и несоответствие отдельных положений Конституции Татарстана Консти-

---

¹ Белая книга Татарстана... Док. 10. С. 29.

туции РФ обуславливали необходимость дальнейшей работы по завершению оформления нового российского федерализма.

V. V. Kalashnikov

TATARSTAN SOVEREIGNIZATION AT THE ELTZIN TIME

The story of the development of new-type federative relation in the Russian Federation at the Eltzin Time is considered. Tatarstan is taken as an illustrative example.

Russian Federation, Tatarstan, sovereignty, Eltzin

УДК 940.55 (47=57)

И. В. Узлова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ПЕРВОГО СОЗЫВА: МЕМОРАНДУМ О СОГЛАСИИ (ФЕВРАЛЬ 1994 г.)

Рассматривается история принятия меморандума о согласии Государственной Думой первого созыва в феврале 1994 года.

Российская Федерация, Государственная Дума, меморандум о согласии, 1994 год

В январе 1995 г. в России начала работу Государственная Дума первого созыва – первый постсоветский парламент. Дума была сформирована в особых условиях. Осенью 1993 г. в стране был совершен государственный переворот. Президент Б. Н. Ельцин своим указом № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе» прекратил полномочия высших советских органов власти – Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. Встретив сопротивление своему неконституционному решению, Б. Н. Ельцин силой разогнал народных депутатов. После этого в обход действующих законов 12 декабря 1993 г. была принята новая Конституция РФ, которая давала огромные полномочия президенту и очень ограниченные права парламенту. Одновременно с референдумом по Конституции состоялись выборы в Государственную Думу.

Вопреки ожиданиям сторонников Б. Ельцина в Думе оказалось много депутатов, настроенных оппозиционно. Они открыто говорили о незаконности процедуры принятия Конституции и фальсификации результатов референдума. В то же время оппозиция понимала невозможность изменения сложившегося положения и была готова бороться парламентскими методами.

Глубокий экономический и социальный кризис, существовавший в стране, побуждал депутатов от разных партий стремиться к конструктивной работе по выведению страны из сложившейся ситуации. Одной из важнейших задач депутатов стали поиски согласия как внутри самой Думы, так и с другими органами государственной власти. Эти поиски нашли свое выражение в Меморандуме о согласии, который был принят 23 февраля 1994 г. История появления меморандума весьма поучительна. Этот документ явился результатом острых дискуссий, связанных с принятием решения об объявлении политической амнистии – первой важнейшей общественно-политической акции, осуществленной Государственной Думой.

Политическая амнистия в тот момент представлялась оппозиции единственным реальным способом освободить своих товарищей – противников режима Б. Ельцина, арестованных по делу ГКЧП в связи с событиями весны–осени 1993 г. Важно отметить, что в соответствии с п. «е», ч. 1, ст. 103 Конституции Государственная Дума наделена правом самостоятельно объявлять амнистию [1, с. 24]. Это право не опосредовано участием других органов государственной власти, в том числе и Президента РФ. Поэтому для объявления амнистии Думе достаточно принять соответствующее постановление простым большинством голосов и опубликовать его в установленном порядке.

О необходимости осуществления политической амнистии первой заявила фракция ЛДПР на своем организационном собрании 4 января 1994 г. 13 января 1994 г. на втором пленарном заседании Государственной Думы вопрос о политической амнистии был поднят И. П. Рыбкиным, представителем Аграрной фракции, который заявил: «Участники событий и 1991 года, и 1993 года, кроме тех, кто совершил сугубо уголовные преступления, должны быть амнистированы во имя гражданского согласия и мира в нашей России». Дума встретила это предложение Рыбкина аплодисментами [2, с. 172]. 17 января 1994 г. депутат В. С. Липицкий предложил создать комиссию Государственной Думы для разработки законопроекта об амнистии по делам, связанным с событиями августа 1991 г. и октября 1993 г. [2, с. 273]. Однако 17 января предложение В. С. Липицкого не прошло, поскольку не хватило 11 голосов [2, с. 274].

Против амнистии выступило много депутатов из правых фракций. Против нее был и президент Б. Ельцин. Однако Президент не мог открыто сопротивляться осуществлению Думой своего права на амнистию. Как уже отмечалось, в соответствии с Конституцией амнистия могла быть объявлена без его участия. Поэтому Б. Ельцин решил сыграть на упреждение и направил 21 января в Думу указ № 173 «О проекте постановления Государственной Думы Федерального Собрания об объявлении амнистии» [5, ст. 308]. Предложенный им вариант амнистии не распространялся на тех, кто привлекался к уголовной ответственности в связи с участием в событиях августа 1991 г., мая и осени 1993 г. и защищал прежнюю Конституцию. Указ фактически предписывал Думе объявить амнистию в пределах, угодных президенту. Президентский проект амнистии был немедленно опубликован в печати, что стало формой давления на Думу: президент как бы уже объявил амнистию, а Дума медлит с принятием соответствующего постановления. Президент рассчитывал на то, что депутаты не посмеют затянуть с принятием его варианта амнистии и у них не будет времени рассматривать свой вариант политической амнистии.

Однако Дума не уступила под давлением президента.

На 11 февраля Дума запланировала рассмотрение президентского указа об амнистии. При обсуждении повестки дня депутат О. О. Миронов от фракции КПрФ предложил включить в повестку дня и вопрос о политической амнистии. [3, с. 250–251]. В ответ на это предложение правый депутат Ю. А. Рыбаков внес свое: «Если уж такой вопрос сегодня ставить, то тогда "в тандеме". И о политической, и об экономической» [3, с. 251]. Идея экономической амнистии отражала стремление правых освободить из заключения деятелей теневой экономики, осужденных еще по советским законам.

В итоге было решено включить в повестку дня вопрос и об экономической, и о политической амнистии [3, с. 252]. Однако в этот день Дума не успела рассмотреть вопросы, связанные с амнистией.

На заседании 16 февраля по предложению правых депутатов Дума рассматривала президентский проект амнистии. Оппозиционные фракции отказались его принимать. Он не был принят даже за основу [3, с. 428–429]. И тогда родилась идея «пакета». В ходе обсуждения президентского варианта амнистии представитель фракции КПрФ Ю. П. Иванов заявил: «Для меня и многих моих коллег, совершенно очевидно одно: вопрос о прохождении указа Президента будет поставлен в зависимость от прохождения вопроса об экономической и политической амнистии. Мы полагаем, что из этого положения нужно выйти следующим образом... голосовать пакетом. У нас – свои товарищи, у каких-то фракций – свои товарищи. Я думаю, что вопрос можно решить только пакетом» [3, с. 385].

Анализ выступлений депутатов показал, что эту позицию разделяли фракции КПрФ, АПр, ДПр, ЛДПр, часть депутатов фракции «Яблоко». Даже пропрезидентская фракция Прес устами своего лидера С. М. Шахрая поддержала эту позицию, отметив, что «если стратегия парламента – не конфронтация, а примирение», то тогда фракция Прес тоже «за примирение», «за эту амнистию». Дума действительно не хотела конфронтации, и поэтому в рамках пакета предусматривалось принятие и президентского проекта амнистии.

То, что компромисс с президентом необходим, стало ясно 17 февраля, когда депутаты рассматривали проект постановления «О политической и экономической амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации», подготовленный фракцией ЛДПр. Так же, как и президентский проект, он не был принят даже за основу [3, с. 510].

Теперь пропрезидентские депутаты показали свою способность блокировать предложения оппозиции.

Иными словами, 16 и 17 февраля обе стороны продемонстрировали свои возможности блокировать инициативы друг друга. И после этого возникла потребность договариваться.

На следующий день С. М. Шахрай сообщил, что фракция Прес, депутатская группа «Новая региональная политика», политическое движение «Женщины России» подготовили некий меморандум о согласии [3, с. 620]. Подробно охарактеризовал мотивы и цели этого документа А. А. Пискунов, представитель самой крупной депутатской группы «Новая региональная политика». Он сказал следующее: «События последнего года свидетельствуют о крайней опасности для нашего общества противостояния политических сил исполнительной и законодательной власти. Это противостояние явилось тормозом на пути экономических преобразований в России, привело к кровопролитию в городе Москве. Наш долг перед избирателями – остановить дальнейшее углубление кризиса и найти из него безопасный выход. Для этого необходимо в кратчайшие сроки выработать первоочередные меры по выводу страны из кризиса, которые были бы согласованы между ветвями власти и между политическими силами общества... Для проведения этой работы необходимо достижение согласия, прежде всего, в самой Государственной Думе» [3, с. 664–665].

Судя по тому, что проект документа докладывал представитель НРП, идея меморандума родилась именно в рамках этой группы центристского толка. Однако, как особо от-

метил А. А. Пискунов, по инициативе фракции «Женщины России» и ПРЕС меморандум был дополнен пунктом об амнистии [3, с. 664–665].

Включение этого пункта в проект меморандума свидетельствует о том, что лояльные президенту фракции уже понимали, что они сами не способны обеспечить проведение политики президента в Думе такого состава. Следовательно, нужен компромисс. Суть предложенного компромисса состояла в следующем: пропрезидентские фракции соглашались на политическую амнистию при условии, что оппозиция не будет использовать Думу как инструмент конфронтации с президентом и подпишет меморандум о согласии. Об этом ясно сказал, лидер фракции ПРЕС С. М. Шахрай: «Если стратегия парламента – не конфронтация, а примирение», то тогда фракция ПРЕС тоже «за примирение», «за эту амнистию» [3, с. 620].

23 февраля 1994 г. повестка дня заседания Госдумы включала только один вопрос: принятие Меморандума о согласии и связанных с ним постановлений.

К этому заседанию депутаты подготовили пакет, состоявший из следующих документов:

- постановление «О принятии Меморандума о согласии» [6];
- постановление «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации» (президентский проект) [7];
- постановление «О порядке применения постановления “Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации”» [8];
- постановление «Об объявлении политической и экономической амнистии» [9];
- постановление «О признании утратившим силу постановления Государственной Думы» [10].

В последнем постановлении говорилось об отмене решения о создании думской комиссии по расследованию событий 21 сентября–4 октября 1993 г. Это предложение было инициировано именно президентской стороной, о чем впоследствии в своей книге напишут советники президента [11, с. 402].

Вполне можно предположить, что вся идея пакета была поддержана пропрезидентскими фракциями в Думе именно потому, что через Меморандум о согласии и пакет связанных с ним документов открылась возможность «похоронить» идею парламентского расследования событий 1993 г. Лидер фракции ПРЕС депутат С. Шахрай как разработчик многих президентских указов той поры был лично заинтересован в том, чтобы не проводилось объективное расследование этих событий, и был готов заплатить за такую возможность поддержкой идеи политической амнистии всем участникам осеннего противостояния.

Согласно стенограмме заседания Государственной Думы 23 февраля 1994 г. весь пакет был принят в течение менее полутора часов. Но это не означало, что при принятии пакета не было серьезных разногласий.

После основного доклада И. Рыбкина, высказавшегося за принятие всего пакета в целом, выступил депутат Н. М. Харитонов от АПР и заявил, что его фракция выступает за меморандум, за постановления об амнистии как уголовной, так и политико-экономической, но против отмены постановления о комиссии по расследованию октябрьских событий [4, с. 18]. Таким образом, аграрии призвали принять так называемый «малый пакет».

Н. Харитонova поддержал Г. А. Зюганов (фракция КПРФ): «Мы за то, чтобы внести эти предложения пакетом, ... за то, чтобы принять предложения, сформулированные аг-

рарной партией. Вопрос, связанный с комиссией по расследованию причины событий, произошедших 3–4 октября, не мешает решить первые три вопроса». Однако фракция КПрФ проявила готовность голосовать за весь пакет – «большой пакет», если «малый пакет» не пройдет. В дальнейшем при голосовании аграрии и КПрФ в основном проголосовали за «малый пакет», а когда он не прошел, то и за «большой» [12, с. 180].

Лидер фракции ЛДПР В. В. Жириновский при обсуждении заявил следующее: «Я очень прошу принять постановление пакетом. Наша фракция – за любой вариант». Он подчеркнул, что «ЛДПР – партия, победившая на выборах, – призывает к согласию и миру». При голосовании все 57 депутатов фракции ЛДПР, участвовавших в голосовании, поддержали «большой» пакет, а 54 из них поддержали и «малый» пакет.

Председатель фракции «Женщины России» Е. Ф. Лахова заявила: «...мы надеемся на принятие Меморандума о согласии в пакете из четырех документов: две амнистии, меморандум и решение о ликвидации комиссии...» [12, с. 193].

Председатель фракции ПРЕС С. М. Шахрай однозначно высказался за принятие только «большого пакета». Анализ выступления С. М. Шахрая показывает, что для президентской стороны согласие на политическую амнистию имело смысл только при отказе Думы от парламентского расследования событий осени 1993 г. [4, с. 35–36].

Фракция ДПР устами С. С. Говорухина поддержала идею меморандума и пакетного голосования. В ходе голосования все 14 присутствовавших ее членов поддержали «полный» пакет постановлений об амнистии, а пять депутатов (О. Богомолов, С. Глазьев, Г. Карелин, В. Нестеренко, В. Таланов) поддержали также и «малый пакет» – вариант без отмены парламентского расследования октябрьских событий.

Депутаты самой крупной депутатской группы «Новая региональная политика» голосовали следующим образом: 35 депутатов проголосовали за оба варианта пакета, один – только за малый, 13 – только за большой [12, с. 196].

Группа «Российский путь» поддержала постановление об амнистии в обоих вариантах, за исключением Н. Вервейко, которая голосовала только за «малый пакет» [12, с. 203].

Сравнение позиций вышеперечисленных фракций и групп показывает, что их разделял только один вопрос – о парламентском расследовании октябрьских событий, но при этом они были готовы пойти на компромисс и в этом вопросе.

Против пакетного голосования и конкретно против объявления политической амнистии высказалась только одна фракция «Выбор России». От ее имени выступил депутат В. В. Похмелкин, который отметил, что степень вины каждого из участников событий 1993 г. индивидуальна. Поэтому для решения подобных вопросов надо применять цивилизованную процедуру – следствие и суд [4, с. 26].

Депутат С. Н. Юшенков назвал принятие политической амнистии «первым шагом к гражданской войне» [13, с. 42]. В ходе голосования за «полный пакет» постановлений проголосовал только один депутат из фракции – И. Стариков [12, с. 206].

Против политической амнистии, а, следовательно, против пакетного голосования выступила и близкая к ВР депутатская группа «Либерально-демократический союз 12 декабря». Депутаты группы голосовали против обоих вариантов пакетов [12, с. 208].

Блок «Явлинский – Болдырев – Лукин» был единственной фракцией, которая не стала формулировать и озвучивать общую позицию фракции по данному вопросу. От имени фракции выступил Е. А. Амбарцумов и сообщил, что фракция приняла решение не обязывать своих членов голосовать «за» или «против». Каждый член этой фракции голосовал по своему усмотрению.

В течение 23 февраля Дума голосовала поименно. Итоги голосования были следующими:

За принятие постановлений единым пакетом проголосовали 260 депутатов. Предложение прошло [4, с. 46].

За предложение аграриев принять «малый пакет» постановлений голосовало 209 человек, против – 81. Предложение не прошло [4, с. 46].

За принятие полного пакета постановлений проголосовали 252 человек, против – 67 человек; воздержались – 28 человек. Предложение прошло [4, с. 46].

Принятие «большого пакета» означало, что депутаты сделали очень важный шаг в сторону компромисса между различными политическими силами. В то же время важно отметить, что компромисс был достигнут главным образом между левыми и центристскими группировками, а праворадикальная группировка голосовала против пакета.

Меморандум о согласии стал одним из первых документов общественно-политического характера, принятых Государственной Думой. Меморандум обосновывал идею согласия для «принятия экстренных конструктивных мер по безопасному выходу России из кризисной ситуации на основе консолидации всех властных структур и политических сил».

В качестве общих целей назывались установление подлинной демократии, достижение экономического подъема страны на основе развития всех форм собственности, регулируемых рыночных отношений, государственной поддержки национальной экономики, повышения хозяйственной самостоятельности регионов, равномерное распределение тяжести кризиса между регионами и социальными группами, поддержка социально уязвимых групп населения, преодоление нравственной деградации общества, восстановление престижа честного труда, создание условий для развития личности, уважение прав и свобод человека.

Депутаты брали на себя обязательство «вести политическую борьбу строго в рамках закона, не прибегать и не призывать в какой-либо форме к насилию, национальной розни и подавлению инакомыслящих».

Предлагали Правительству РФ совместно с комитетами, фракциями и депутатскими группами Государственной Думы и Совета Федерации при координирующей роли Президента РФ в течение ближайших двух–трех месяцев выработать комплекс необходимых для выхода из кризиса согласованных мер.

Составной частью достижения гражданами России общенационального согласия депутаты считали «амнистию ряда лиц, находящихся под следствием или содержащихся под стражей в связи с событиями 19–21 августа 1991 года, 1 мая 1993 года, 21 сентября–4 октября 1993 года, а также амнистию ряда лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных за преступления в сфере экономики» [6].

После принятия всего комплекса постановлений началось их осуществление. Однако уже в ходе применения амнистии стало ясно, что объявить о согласии гораздо легче, чем осуществить его на деле. Дальнейшая история работы Думы первого созыва показывает,

что стремление большинства депутатов к согласию постоянно разрушалось настойчивым стремлением президента и его команды проводить свой социально-экономический курс, не считаясь с мнением большинства депутатов Думы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. М.: ИНФРА-НОРМА, 1998.
2. Стенограммы, весенняя сессия, 1994. Т. 1. М.: Республика, 1995.
3. Стенограммы, весенняя сессия, 1994. Т. 2. М.: Республика, 1995.
4. Стенограммы, весенняя сессия, 1994. Т. 3. М.: Республика, 1995.
5. Указ № 173 Президента Российской Федерации «О проекте постановления Государственной Думы Федерального собрания об объявлении амнистии» от 21 января 1994 г. // Собр. актов Президента и Правительства РФ. 24.01.1994 г. № 4. Ст. 308.
6. Меморандум о согласии. Утвержден постановлением Государственной Думы ФС РФ от 23.02.1994 г. № 62-1ГД «О принятии меморандума о согласии» // Ведомости ФС РФ. 1994. № 2. Ст. 134.
7. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации» от 23.02.1994 г. № 63-1 ГД // Российская газета. 1994. 26 февр. № 39. С. 2.
8. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ «О порядке применения постановления “Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации”» от 23 февраля 1994 г. № 64-1 ГД // Российская газета. 1994. 26 февр. № 39. С. 3.
9. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ «Об объявлении политической и экономической амнистии» от 23.02.1994 г. № 65-1ГД // Российская газета. 1994. 26 февр. № 39. С. 4.
10. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ «О признании утратившим силу постановления Государственной Думы» от 23 февраля № 66-1 ГД // Ведомости ФС РФ. 1994. № 2. Ст. 138.
11. Эпоха Ельцина. М.: Вагриус, 2001.
12. Федеральное собрание: Совет Федерации, Государственная Дума: Справ. М.: ИЭГ «Панорама». Фонд развития парламентаризма в России, 1994–1996.
13. Глазьев С. Полтора года в Думе. Москва. Отчет перед избирателями. М.: «Галс плюс», 1995.

I. V. Uzlova

THE STATE DUMA OF THE FIRST CONVOCATION: MEMORANDUM OF ACCORD

The Story of adopting The Memorandum of Accord by The State Duma of the first convocation in 1994 is considered.

The Russian Federation, The State Duma of the first convocation, Memorandum of Accord, 1994

ЗАКОН СССР ОТ 26 АПРЕЛЯ 1990 г. «О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ СОЮЗОМ ССР И СУБЪЕКТАМИ ФЕДЕРАЦИИ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТР – РЕСПУБЛИКИ – АВТОНОМИИ

Рассматривается суть закона СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» в контексте процессов национально-государственного строительства в СССР в 1990 г. Делается попытка проанализировать влияние появления этого закона на последующие действия руководителей Союзных республик и автономий.

СССР, перестройка, Союзные республики, автономии, закон СССР о разграничении полномочий

26 апреля 1990 г. Президент СССР М. С. Горбачев подписал принятый Верховным Советом СССР закон «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации». Этот закон стал одним из важных шагов союзного руководства в попытке осуществить реформирование федеративных отношений на базе существовавшего законодательства.

В свою очередь, радикальные демократические силы в республиках уже около двух лет настаивали на перезаключении Договора об образовании СССР. К началу 1990 г. союзное руководство не могло игнорировать все громче и громче звучавшие требования выработки такого договора.

Однако вплоть до начала 1990 г. союзное руководство стремилось решить проблемы национально-государственного устройства Союза, не прибегая к самому радикальному средству – разработке и подписанию нового Союзного договора. Вместо этого вносились поправки в Конституцию СССР и разрабатывались законы на базе существовавшей Конституции. К таковым можно отнести: закон о разграничении полномочий, закон об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик, законы СССР о порядке выхода из СССР, о собственности, о предприятиях, о земле и др. В череде этих законодательных актов закон от 26 апреля 1990 г. вызвал особенно бурную реакцию со стороны союзных республик. Он, серьезно повлияв на дальнейшие отношения между республиками и центром, стал во многом предметом обострения отношений в Союзе.

О перераспределении полномочий между центром и республиками в СССР речь шла давно. В этом были заинтересованы и союзные власти, и республиканские руководители. Однако эти процессы происходили в условиях серьезного противостояния между руководителями Союза и республик. Поэтому появление данного закона многими было воспринято как очередной этап борьбы за влияние в Союзе.

Обратимся теперь к сути закона 26 апреля 1990 г.

Закон «О разграничении полномочий между Союзом и субъектами федерации» состоял из тринадцати статей, в которых расписывались полномочия центра, Союзных республик и автономий. В частности, там говорилось о праве союзных республик на выход из СССР, о принципах решения территориальных споров между республиками, о праве союзных республик устанавливать экономические, дипломатические отношения с другими

государствами (если это не противоречит законодательству СССР и международным обязательствам СССР) [1, с. 346–347].

Далее шла статья 6 закона, определявшая сферу исключительного ведения Союза ССР: принятие Конституции СССР, принятие в состав СССР новых республик и изменение статуса существующих, разрешение споров между республиками, определение Государственной границы СССР, организация и регулирование деятельности органов государственной власти и управления Союзом ССР и т. д. [1, с. 347–348].

В статье 8 определялись сферы совместного ведения СССР и союзных республик [1, с. 348–349]. Следующие статьи закона оговаривали порядок передачи отдельных полномочий от центра республикам и наоборот. Дальнейшие статьи закона регулировали порядок разрешения противоречий и споров между союзным и республиканскими законодательствами [1, с. 349–350].

Однако ключевое значение приобрела первая статья данного закона, определявшая статус Союза ССР, союзной республики и автономной республики. В ней были отражены следующие положения:

1. «Союз Советских Социалистических Республик является суверенным социалистическим федеративным государством...».

2. «Союзные республики – суверенные советские социалистические государства, добровольно, на основе свободного самоопределения народов и равноправия объединившиеся в Союз Советских Социалистических Республик...».

3. **«Автономные республики – советские социалистические государства, являющиеся субъектами федерации – Союза ССР** (выделено мной. – *Р. Я.*). Автономные республики, автономные образования входят в состав союзных республик на основе свободного самоопределения народов, обладают всей полнотой государственной власти на своей территории вне пределов полномочий, переданных ими в ведение Союза ССР и союзных республик. Отношения автономных республик, автономных образований с союзными республиками, в состав которых они входят, определяются соглашениями и договорами, заключаемыми в рамках Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик и настоящего Закона» [1, с. 346].

Первая статья закона стала поводом для серьезного обострения отношений между союзными республиками и центром. Недовольство со стороны руководителей «больших» республик вызвало положение, где государствами и субъектами федерации были названы не только союзные республики, но и автономии.

Впоследствии и исследователи, и политические деятели, участвовавшие в этих процессах, неоднозначно оценивали значение этого закона для последующего развития событий в национально-государственной политике начала 1990-х гг.

Представители союзного руководства считают, что принятие этого и других законов укрепляло суверенитет и расширяло права республик, следовательно, было направлено на то, чтобы «задержать нарастающий развал государства» [2, с. 102].

В своей работе З. Станкевич придерживается мнения, что данный закон «произвел настоящий переворот в теории и практике национально-государственного строительства в СССР и по-своему подстегнул лавинообразную “суверенизацию” советских республик»,

причем «не только союзных, но и автономных, которые ранее даже не помышляли о возможности столь радикального повышения своего правового статуса в рамках Союза» [3, с. 56–57]. Он считает, что основной смысл принятия этого закона заключался в том, чтобы превратить «фактор автономий» в эффективное средство сдерживания явно выходящих из-под контроля центра союзных республик [3, с. 56].

Авторы сборника «Федерализм в истории России» также склоняются к выводу о том, что рассматриваемый закон пагубно повлиял на развитие федеративных отношений в СССР. Они пишут, что «содержание закона свидетельствовало о том, что союзную правосубъектность он распространил и на автономные республики в составе союзных республик, то есть реформирование Союза происходило бы на основе этого закона за счет развала союзных республик» [4, с. 102]. Аналогичную позицию занимает и автор книги «Реформы Горбачева и судьба союзного государства» – А. С. Барсенков [5, с. 181].

По-видимому, союзное руководство, принимая этот закон, в определенной степени рассчитывало на помощь автономий для влияния на союзные республики. Причиной этому мог быть тот факт, что автономные образования в стремлении поднять свой статус апеллировали к центру. В лице союзного руководства они также видели защиту собственного суверенитета от возможных посягательств на свой статус со стороны союзных республик (например, автономии Грузии, Молдавии).

Однако представляется, что союзное руководство недооценило возможные последствия от принятия этого закона. Дело в том, что руководители ряда союзных республик, где были автономии, и в первую очередь руководство РСФСР, попытались разыграть данную ситуацию в свою пользу. Они стремились преподнести принятие закона как попытку центра развалить республики, чтобы ослабить их усиливавшееся влияние на все процессы в Союзе.

Особую роль в противостоянии республик с центром играло российское руководство. Для Б. Н. Ельцина ключевым мероприятием весной 1990 г. было проведение Съезда народных депутатов РСФСР, на котором планировалось принять Декларацию о суверенитете России и провести выборы руководства РСФСР.

Закон 26 апреля 1990 г. называл и союзные республики, и автономии государствами, делая и те и другие субъектами федерации. Из текста закона не следует, что они абсолютно уравниваются в правах. Однако в условиях борьбы между союзным и российским руководством появление закона о разграничении полномочий, где говорилось о серьезном изменении статусов союзных республик и автономий, объективно усиливало влияние российского руководства на участников российского съезда, так как давало повод говорить, что «центр хочет развалить Россию». Заявляя об этом, они умело подводили под это соответствующую аргументацию, в том числе ссылаясь на закон о разграничении полномочий.

Действительно, на открывшемся 16 мая 1990 г. Съезде народных депутатов РСФСР многие депутаты обращались в своих выступлениях к тексту закона «О разграничении полномочий...». Смысл этих выступлений был различный: закон и одобряли, и критиковали в зависимости от политических пристрастий и интересов.

Так, уже в обсуждении повестки дня съезда депутат Б. Д. Бабаев из Иваново назвал закон о разграничении полномочий «инициативой» со стороны союзного руководства, обращенной к России, и призвал съезд принять декларацию, где оговаривались бы основные принципы диалога с центром о том, чтобы заключить новый Союзный договор [6, т. 1, с. 125].

Председатель Президиума ВС РСФСР В. И. Воротников, фактически представлявший позицию союзного руководства на российском съезде, говорил о пользе закона о разграничении полномочий, так как последний позволяет Российской Федерации «осуществлять всю полноту власти на своей территории, быть действительно самостоятельной и независимой» [6, т. 1, с. 555].

С. Н. Бабурин довольно жестко критиковал закон о разграничении полномочий как нарушающий, по его мнению, Конституцию СССР: «...полностью игнорирует ее главу 9 – “Союзная Советская Социалистическая Республика”» [6, т. 1, с. 592].

На съезде прозвучали выступления о расширении прав автономий в составе России. Об этом говорил В. И. Воротников: «Необходимо значительно расширить права автономных образований» [6, т. 1, с. 560]. Председатель ВС Северо-Осетинской АССР А. Х. Галазов, говоря об автономиях, отметил в своем выступлении: «До последнего времени они находились в еще более бесправном положении, чем сама Российская Федерация... Естественным выходом из этой ситуации ... является утверждение в новой Конституции статуса автономной республики как субъекта Союзной Федерации и равноправной республики в составе России...» [6, т. 2, с. 34]. Р. Г. Абдулатипов (Дагестан) тоже настаивал на необходимости добиться одинаковых прав для союзных республик и автономий, заявив, что закон о разграничении полномочий «принципиально не меняет тех позиций, на которых мы стояли ранее» [6, т. 2, с. 90]. Эти высказывания звучали на съезде в процессе обсуждения проекта Декларации о суверенитете России. Но, несомненно, они также были откликом на принятие союзным руководством закона о разграничении полномочий.

А. Е. Шабад из Москвы заявил, ссылаясь на закон о разграничении полномочий, что в нормативных актах есть понятие суверенитета, но «фактически никакого суверенитета нет». В связи с этим он предлагал включить в Декларацию о суверенитете положение о верховенстве республиканской власти по отношению к союзной [7, с. 15].

В выступлении на съезде Б. Н. Ельцин озвучил свою довольно жесткую позицию по отношению к союзному руководству. Говоря о будущей Конституции России, он заявил: «Сегодня не центр, а Россия должна подумать о том, какие функции передать центру, а какие – оставить себе. Не пора ли поставить вопрос и о том, а какой центр нужен России и другим республикам Союза?» [6, т. 1, с. 568]. Эти слова вполне можно расценить как прямой ответ на принятие центральным руководством законов в национально-государственной сфере, в том числе и закона о разграничении полномочий.

Один из влиятельнейших деятелей в среде российского руководства тех лет С. Шахрай в своих интервью неоднократно упоминал о значительном влиянии закона о разграничении полномочий на последующие шаги российского руководства. Он даже назвал данный закон одной из причин распада СССР [8]. Шахрай таким образом пытается оправдать принятие Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о суверенитете Российской Федерации, одним из активных сторонников которой он являлся. Стремление оправдаться основано, видимо, на том, что многие исследователи считают именно российскую Декларацию о суверенитете серьезным шагом на пути к распаду СССР, так как с нее начался так называемый парад суверенитетов.

С. Шахрай, наоборот, заявляет, что именно союзное руководство положило начало этим процессам, приняв закон о разграничении полномочий 26 апреля 1990 г. Он утвер-

ждает, что принятие этого закона входило в «план “боевых действий” союзного ЦК против роста влияния нового российского руководства» [8]. Таким образом, по мнению Шахрая, союзное руководство пыталось создать государство с 35 субъектами федерации за счет поднятия статуса 20 автономий. А принятие Декларации о суверенитете РФ являлось лишь попыткой сохранить целостность России [8].

Именно опасениями за судьбу России и Союза Шахрай объясняет причину почти единогласной поддержки российскими депутатами Декларации о суверенитете: «26 апреля Верховный Совет СССР принимает незаметный закон, который... выравнивает в правах союзные и автономные республики. Для России, в составе которой было 16 автономий, это означало, что из Российской Федерации 16 республик уходят. <...> Мы были глубоко убеждены, что если 16 автономных республик из России выдергиваются, рушится не только Россия, но и, собственно, весь Союз в целом. То есть нас объединяло желание защитить Российскую Федерацию, не допустить ее развала. И мы проголосовали единодушно...» [9].

Однако представляется, что не этот лейтмотив играл решающую роль в принятии Декларации о суверенитете России. Политическая борьба Центра и России в 1990 г. постоянно обострялась. Проходила она на фоне ослабевающего авторитета союзных властей и роста популярности российских лидеров (во многом за счет критики центрального руководства). В этих условиях многие меры российского руководства, в том числе и принятие Декларации о суверенитете, выглядели в глазах людей и их представителей – депутатов как способные остановить все нарастающий кризис. Решения же союзного руководства, наоборот, подвергались серьезной критике как обоснованно, так и в силу того, что они исходили от непопулярных руководителей.

Закон 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» стал одним из заключительных шагов союзного руководства в попытках провести реформирование Союза, не прибегая к наиболее радикальному способу – разработке и подписанию нового Союзного договора. Но весной 1990 г. союзному руководству стало очевидно, что эти меры не решают проблем национально-государственного устройства и надо разрабатывать новый договор.

Таким образом, принятие данного закона стало для центрального руководства некоторым балластом: он не стал прорывом в решении проблем между республиками и центром, а лишь осложнил отношения с Союзными республиками и особенно с РСФСР.

К тому же закон добавил сложности в процесс последующей разработки нового Союзного договора. Об этом, в частности, говорилось на Консультативном совещании представителей союзных республик по выработке новой концепции проекта Союзного договора. Оно открылось в Москве 20 июня 1990 г. Как свидетельствует член данного совещания от Казахстана С. С. Сартаев, подавляющая часть участников консультативной встречи приняла центром законов о разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации и порядок выхода из СССР, опережая принятие нового Союзного договора, признала фактом, парализующим работу над проектом союзного договора [10].

Результат появления закона о разграничении полномочий:

1. Закон дал повод Союзным республикам, особенно России, говорить о сепаратизме автономий; Союзные республики стали активно использовать этот тезис в своей нацио-

нальной политике, стали оказывать еще большее давление на центр, добиваясь увеличения своих полномочий.

2. Автономии по этому закону не стали равными Союзным республикам, но, пользуясь ссылкой на этот закон, стремились добиться усиления своего влияния на процессы национально-государственного строительства и повышения своего статуса.

3. Опираясь на этот закон, осенью 1990 г. союзному руководству удалось включить бывшие автономии в процесс подготовки нового Союзного договора.

Таким образом, еще раз можно подчеркнуть, что принятие закона о разграничении полномочий не решило проблем национально-государственного строительства в СССР, не принесло центральному руководству серьезных дополнительных рычагов влияния на «большие» республики, а, скорее наоборот, обострило отношения между ними и центром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Союза Советских Социалистических республик «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации»// Законы, постановления и другие акты, принятые на Третьей сессии Верховного Совета СССР. 14 февраля – 14 июня 1990 г. М.: Издание ВС СССР, 1990.

2. Лукьянов А. В водовороте российской смуты (размышления, диалоги, документы). М.: Книга и бизнес, 1999.

3. Станкевич З. А. История крушения СССР: Политико-правовые аспекты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.

4. Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в истории России. М.: Прогресс, 1993. Кн. 2.

5. Барсенков А. С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.

6. Первый съезд народных депутатов РСФСР. 16 мая – 22 июня 1990 г.: Стенографический отчет: В 6 т. Т. 1–2. М.: Республика, 1992.

7. Первый съезд народных депутатов РСФСР: Стенографический отчет. Бюл. № 30–36; 37–42. (5 июня – 16 июня 1990 г.). М.: Издание ВС РСФСР, 1990.

8. Шахрай С. Время распада прошло: Возродится ли Советский Союз?// Независимая газета (ЭВНГ). 1996. 19 марта. № 051.

9. Шахрай С. Мы защищали Российскую Федерацию// ВЕСТИ.RU. 2002. 8 февр.

10. Сартаев С. С. Исторический феномен величайшего развала СССР//Юрист. 2004. № 9 (39).

R. A. Yalyshev

THE USSR LAW OF 26 APRIL 1990 «ABOUT POWERS DIFFERENTIATION BETWEEN THE USSR AND SUBJECTS OF THE FEDERATION» AND ITS INFLUENCE ON THE RELATIONS CENTER – REPUBLICS – AUTONOMIES

The essence of the USSR law «About Powers Differentiation between the USSR and Subjects of the Federation» is considered in the processes context of national-state construction in the USSR in 1990. The attempt is made to analyze the influence of this law on further actions of the leaders of the Union republics and autonomies.

USSR, perestrojka, Union republics, autonomies, USSR law about разграничении полномочий

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Анализируется понятие непрагматической познавательной потребности, в процессе удовлетворения которой может происходить научное открытие либо создание художественного произведения. Рассматривается возможность формирования потребности к творчеству через активизацию положительных эмоций, обеспечивающих мотивацию к дальнейшей познавательной деятельности.

Актуальная потребность, социальные связи, творческие способности, обратная связь, андрагогическое взаимодействие

Проблема формирования потребности к творчеству, пожалуй, одна из самых сложных проблем педагогики творчества. Особенно остро она стоит, когда речь заходит о взрослых людях, поскольку в ребенке эта потребность заложена по природе его личности, находящейся в процессе становления. Потребность в творчестве теснейшим образом связана с потребностью в познании. Новое, открывающееся в процессе познания, субъективно преломляясь, может приобретать либо форму научного открытия, либо форму художественного произведения. Любому человеку присуща потребность в познании, связанная с универсальной потребностью в информации, свойственной всему живому. Однако эта потребность в познании не обязательно должна диктоваться необходимостью удовлетворения прочих, социально-биологических потребностей. Как отмечают П. В. Симонов, П. М. Ершов в работе «Темперамент, характер, личность», «существует потребность в информации как стремление к новому, ранее неизвестному, безотносительно к его прагматическому значению в смысле удовлетворения каких-либо биологических и социальных нужд» [1, с. 29]. Эта непрагматическая познавательная потребность в большей степени присуща детям, что и обуславливает в конечном счете их большую креативность. У взрослого человека удовлетворение познавательных потребностей чаще связано с какой-либо насущной необходимостью, иногда эта прагматическая необходимость выводит человека на непрагматический уровень ощущения самооценности познания, иногда это неутилитарное стремление к познанию возникает само по себе, безотносительно к другим потребностям. Так, неважно, что явилось толчком к созданию художественного произведения: внутренняя потребность или социальный заказ – важно, что создавалось это произведение под влиянием неутилитарного, непрагматического стремления к открытию нового. П. И. Чайковский писал, что творческий процесс работы над «заказным» произведением и «незаказным» мало чем отличается, разве что чуть большим усилием воли в самом начале [2].

Итак, познавательная потребность есть у любого человека, однако для того чтобы стать предпосылкой для творчества, эта потребность должна быть доминантной и актуальной. Удовлетворение непрагматической познавательной потребности лишь тогда ста-

новится творчеством, когда уходит из сферы чисто рациональной и обогащается интуицией. Интуиция же «непреложно работает на доминирующую потребность, и бессмысленно ждать озарений на базе второстепенного для субъекта мотива... Интуиция (сверхсознание) включается там, где мотивационная доминанта встречается с информационным дефицитом, с разрывом логической цепи мышления и действий» [1, с. 96].

Рискнем предположить, что именно прагматическая познавательная потребность может стать доминантной, поскольку, в отличие от прагматической, она принципиально неудовлетворима, точнее сказать, каждый момент ее удовлетворения становится стимулом ее нового витка. Доминантность же обуславливает актуальность соответствующей потребности, направляющей акты человеческого поведения. С точки зрения одного из представителей грузинской психологической школы А. А. Алхазивили, «момент равновесия, который наступает в результате удовлетворения актуальной потребности, ...является и своим отрицанием, т. е. одновременно представляет собой его нарушение и, следовательно, зарождение новой побудительной силы. Актуальная потребность как побудительная сила в этом случае не замыкается в себе, не конечна своей природой» [3, с. 7]. Можно сказать, что актуальная потребность обеспечивает целостное психическое состояние, готовность к определенному поведению, которые в психологической школе Д. Н. Узнадзе получили название установки.

Существует ли у педагога (точнее было бы сказать, андрагога) возможность повлиять на то, чтобы познавательная потребность стала доминантной и затем актуальной? Для ответа на этот вопрос следует разобраться, что определяет доминантность человеческих потребностей вообще. П. В. Симонов и П. М. Ершов считают, что «...практическая мотивационная доминанта, непосредственно определяющая поступок («вектор поведения» – по А. А. Ухтомскому), представляет интеграл главенствующей потребности, устойчиво доминирующей в иерархии мотивов данной личности и той или иной ситуативной доминанты, актуализированной экстренно сложившейся обстановкой [1, с. 76]. Это представляется вполне справедливым, однако эти два компонента вряд ли можно полностью разделить, личностные и ситуативные потребности находятся в тесной связи. Хайнц Хекхаузен в работе «Мотивация и деятельность» отмечает, что субъект, деятельность и ситуация находятся в процессе непрерывного циклического взаимного воздействия и преобразования. Из этого он делает вывод о том, что «индивиды отыскивают и даже формируют наличные ситуации в соответствии со своими личностными диспозициями». «Они, следовательно, сами создают собственную ситуационную специфичность...» [4, с. 32]. Исходя из этого, можно предположить, что доминантная, «главенствующая потребность» личности, во многом определяет ситуативную доминанту. Если такой «главенствующей потребностью» для человека будет познавательная потребность, то и все ситуативные доминанты, а проще говоря, насущные проблемы будут рассматриваться как возможные источники удовлетворения этой потребности. А это можно уже назвать основой творческого отношения к миру, предполагающего непрерывный диалог с собой и с миром, диалог, который не может состояться без интереса, обуславливающего потребность к нему.

Опираясь на ценности субъекта, «главенствующая потребность» личности так или иначе оказывается связанной с характером социальных связей. Г. С. Батищев в книге

«Введение в диалектику творчества» приводит типологию социальных связей К. Маркса. Согласно этой типологии, социальные связи могут быть социал-органическими, при которых индивид осознает себя в первую очередь частью целого, является индивидом-акциденцией, действительность для такого индивида не поддается попыткам ее «распредметить»; социал-атомистическими, при которых человек утверждает свою субъектность и свою уникальность, это индивид-атом; и возможен их диалектический синтез, опосредованный их отрицанием. Г. С. Батищев называет такие связи третьего типа гармоническими или полифоническими (полифония ничего общего не имеет с плюрализмом, основанным на релятивизме). Только такие связи он считает по-настоящему между субъектными, предполагающими способность «не оставаться *вне и наряду* с инородными себе» [5, с. 351], т. е. учитывать конструктивную роль опыта, даже негативного, связей органического и атомистического типа, «вмещать» их в себя. Только такие связи делают возможным подлинное творчество, тогда как при связях социал-органического типа в их крайнем выражении субъектное творчество отрицается как таковое, а при связях атомистического типа в их крайнем выражении творчество оказывается лишенным со-принадлежности с другими, «своецентричным», аксиологически пустым.

Трудно сказать, возможно ли полное достижение гармонически-полифонических социальных связей отдельным человеком или какой-либо группой людей. Как представляется, возможна лишь та или иная степень приближения к таким связям при общем преобладании либо социал-органических, либо социал-атомистических связей. При социал-органических связях главенствующая потребность личности – это, вероятно, потребность чувствовать себя частью целого, потребность строить свою жизнь в соответствии с требованиями этого целого. Можно предположить, что познавательные потребности в этом случае, скорее всего, связаны со стремлением познать объективные законы окружающего мира и себя как части этого мира. При социал-атомистических связях главенствующая потребность – это потребность чувствовать свою обособленность от мира, познавательные же потребности связаны со стремлением все больше и глубже познать себя и окружающий мир как часть себя. Если речь идет о крайней степени преобладания в человеке вышеуказанных типов связей (что в реальности встречается редко), то познавательная потребность вряд ли может стать доминирующей. Крайняя выраженность социал-органических связей в человеке свидетельствует о неспособности осознать себя как субъекта познания, а крайняя выраженность социал-атомистических связей свидетельствует о неспособности осознать важность мира как объекта познания. Если же в человеке присутствует ощущение своей субъектности, с одной стороны, и ощущение объективного мира – с другой, то познавательная потребность при определенных условиях может стать доминирующей. Задача того, кто взялся помочь человеку в этом деле, – сделать для него интересным в первом случае самого себя, во втором случае – окружающий мир.

Человеческий интерес к чему-либо тесным образом связан с эмоциями. С точки зрения П. В. Симонова и П. М. Ершова, эмоция – это «отражение мозгом человека и животных какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятность ее удовлетворения в данный момент» [1, с. 15]. Авторы видят возможность целенаправленного воздействия на сферу потребностей и их трансформаций посредством эмоций. Исходя из

этой точки зрения можно предположить, что ощущение субъектом высокой вероятности удовлетворения потребности влияет на интенсивность этой потребности. Степень интереса к чему-либо новому зависит, таким образом, от степени вероятности узнать это новое. П. В. Симонов и П. М. Ершов отмечают, что в последнее время появились данные, в известной мере объясняющие внутренний механизм привлекательности новизны. «Было установлено, что новизна повышает содержание в мозгу эндогенных эндорфинов – вырабатываемых мозгом веществ, похожих по своему строению и действию на морфий. Иными словами, удовольствие от новизны имеет свою химическую основу» [1, с. 29–30].

Однако здесь, по мнению автора статьи, требуется некоторая оговорка. Познание нового не является простым потреблением информации. В. Н. Дружинин, рассматривая работу психики как единую систему, перерабатывающую информацию, выделяет в этом процессе три компонента: 1) приобретение, 2) применение и 3) преобразование и сохранение знаний [6, с. 14]. Заметим, кстати, что третий компонент необходим для того, чтобы познавательный процесс стал творческим. Маловероятно, что приобретение знаний само по себе, без его применения и преобразования способно принести человеку положительные эмоции. Даже гоголевский Петрушка испытывал удовольствие не от узнавания букв самих по себе, а оттого как эти буквы складываются в слова. Положительные эмоции, как представляется, может вызывать сочетание всех трех или первых двух компонентов, когда же речь идет об удовлетворении непрагматической познавательной потребности, т. е. не продиктованной насущными человеческими нуждами и не предполагающей практического применения полученных знаний, положительная эмоция вызывается сочетанием вероятности приобретения с возможностью преобразования этих знаний. Именно эта эмоция способна стимулировать непрагматическую познавательную потребность, которая, будучи доминантной, в свою очередь, обеспечивает потребность в творчестве.

От чего же зависит степень вероятности приобретения и преобразования знаний? Ответ напрашивается сам собой – от когнитивных способностей человека. Развитие когнитивных и в том числе творческих способностей повышает вероятность приобретения человеком новых знаний и включения их в систему своих, уже имеющихся, предполагающее их творческое преобразование. Таким образом, получается, что педагогическое (андрагогическое) взаимодействие со сферой человеческих потребностей, стимулирование непрагматической познавательной потребности как основы для творчества, перевод ее на уровень доминирующей, главенствующей жизненной потребности должны заключаться в развитии творческих способностей. При этом для развития творческих способностей нет иного пути, кроме как занятия различными видами творчества. Может создаться впечатление замкнутого круга. Однако это только на первый взгляд, и более соответствующим действительности нам представляется движение по принципу петли положительной обратной связи, причем петли не замкнутой, а спиралевидной. Попробуем спроектировать идеальную модель этого движения. По терминологии Б. Ф. Ломова, это будет «прескриптивная» модель или нормативная. Другая модель «дескриптивная» строится на основе наблюдения за функционированием нормативной модели в процессе анализа экспериментальных данных. С помощью дескриптивной модели можно описать то, как на самом деле протекает процесс [7].

Итак, по прескриптивной модели движение по спирали будет следующим. Первоначальный, пусть небольшой успех в творческом переосмыслении какой-либо информации (удовлетворение прагматической познавательной потребности) вызывает положительную эмоцию, которая становится стимулом вышеуказанной потребности и мотивом дальнейшего творческого поиска (отметим появление мотива, позиции, непосредственно ведущей к поступкам и обуславливающей мотивацию). Получив мотивацию (побуждение к действию определенным мотивом), субъект уже целенаправленно ищет путь удовлетворения своей познавательной потребности, ищет большего успеха в творческом переосмыслении полученного знания. Большой успех вызывает большую эмоцию, последняя еще большую мотивацию. Развитие способностей при этом является главным фактором движения именно по спирали, а не по кругу, т. е. движения с каждым новым витком на более высоком уровне. Относительно понятия обратной связи следует, однако, оговориться. Наше понимание обратной связи в отличие от кибернетического, предполагающего механизм наглядно-чувственного однозначного сигнального взаимодействия, включает в себя более сложные механизмы саморегуляции, затрагивающие ценностную сферу человека: «По мере того как человек поднимается на все более высокие уровни своего бытия, происходит формирование и развитие всех его психических процессов и свойств, и, в частности, формируются все более сложные, изначально не данные критерии для самооценки всех его поступков, действий, чувств, мыслей и т. д.» [8, с. 130]. Это означает, что с каждым новым витком положительная эмоция, вызываемая определенным творческим достижением, не просто увеличивается, но становится качественно иной. Если, например, при написании стихотворения первоначальную положительную эмоцию вызывает просто получившаяся ритмичная фраза или найденная рифма, то далее положительная эмоция большей интенсивности должна быть связана с осмысленностью создаваемого текста, на следующем этапе – с его эстетическим и этическим содержанием. Соответственно может меняться и мотивация, которая по ходу процесса может трансформироваться «из чисто познавательной во внутреннюю мотивацию личностных достижений и внутреннюю мотивацию долга» [9, с. 36].

Какая же роль отводится в этом процессе андрагогу? Андрагог должен осуществить первоначальный толчок, который положит начало процессу. Далее, как следует из вышеизложенного, процесс пойдет самостоятельно, однако андрагог какое-то время продолжает оставаться его фасилитатором. На этапе первоначального толчка определенную роль играет воздействие – человека надо попросить, уговорить выполнить некоторое задание. Далее андрагог направляет процесс, следит за тем, чтобы каждая следующая поставленная задача была сложнее предыдущей (например, в случае со стихосложением сначала предлагается вызвать в себе определенные ассоциации на какой-либо объект, потом придумать оригинальные метафоры и, наконец, создать цельный художественный образ). Повышение сложности задачи должно обеспечивать развитие различных творческих способностей (так, вызов ассоциаций развивает способность направленного ассоциирования и раскрепощает ассоциативную сферу, продуцирование оригинальных метафор развивает способность к обнаружению образных аналогий и способность формулирования идей в наиболее емкой форме, создание цельного образа развивает способность целостного видения объекта). При этом

следует стимулировать возникающие положительные эмоции, поддерживать все виды мотивации. На этом этапе огромную роль играет андрагогическое взаимодействие, при котором в область педагогического эффекта попадает и сам андрагог. Возникает вопрос о том, до каких пор андрагог организует и направляет процесс. В какой-то момент полномочия андрагога относительно группы взрослых людей должны закончиться. Логично предположить, что эти полномочия заканчиваются тогда, когда достигается результат. Результатом в нашем случае будет устойчивое протекание творческого процесса, обеспечиваемое постоянно возобновляющейся потребностью в творчестве. Начавшееся с воздействия андрагогическое взаимодействие все более и более утрачивает этот элемент воздействия. Вероятно, именно тогда, когда этот элемент утрачивается окончательно, заканчивается андрагогическое взаимодействие, но остается истинное междусубъектное взаимодействие.

В заключение хотелось бы отметить, что, занимаясь формированием творческих потребностей, мы имеем дело с открытой системой, элементами которой являются весь комплекс социальных связей человека, ценности, потребности и мотивы, побуждающие его к творчеству, эмоции, способности, собственно творчество и творческий продукт, андрагогическое воздействие и андрагогическое взаимодействие, осуществляемые андрагогом, также обладающим определенными ценностями, потребностями, мотивами и эмоциями. Система эта является сложной, открытой и исключительно динамичной, на каждом ее уровне идут процессы самоорганизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент, характер, личность. М.: Наука, 1981.
2. Бочкарев Л. Л. Психология музыкальной деятельности. М.: ИПРАН, 1997.
3. Алхазивили А. А. Специфика потребности у человека // Проблемы формирования социогенных потребностей: Материалы 1-й всесоюзной конференции. 4-6 ноября 1974 г. Тбилиси/ Под ред. Ш. И. Чхартишвили и Н. И. Сарджеладзе; Ин-т психологии. Тбилиси, 1974.
4. Хекхаузен Х. Мотивации и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986.
5. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.
6. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2000.
7. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
8. Брушлинский А. В. Психология субъекта. М.: Ин-т психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
9. Кулоткин Ю. Н. Изменяющийся мир и проблемы развития творческого потенциала личности. СПб.: Изд-во СПбГУПМ, 2002.

M. E. Kudryavtzeva

ABOUT A PROBLEM OF THE FORMING CREATIVE NEEDS OF THE ADULTS

The non-pragmatic human need of recognition is analyzed. Satisfaction of this need results in developing a scientific work or a work of art. Forming creative needs is possible while using the positive emotions that provide motivation of recognitive activity of the person.

Actual needs, social links, creative abilities, feedback, andragogical interaction, prescription model

РОЛЬ ДЕЛОВОГО ЭТИКЕТА В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА

Посвящена деловому этикету как современной сложной коммуникативной структуре, а также его месту и роли в системе имиджа.

Этикет, деловой этикет, имидж, стереотип, культура делового поведения

Этикет – это многофакторный феномен, который может быть рассмотрен в нескольких измерениях: и как форма ценностного сознания, и как фундаментальный элемент культуры, и как форма социального общения. При этом следует подчеркнуть, что нравственные ценности составляют сущность этикета, его содержание, а этикетные нормы – как «бытие ценности» – выступают эстетическим воплощением этого содержания.

Деловой этикет – это сравнительно новый вид социальной регуляции в условиях деловой среды, получивший массовое распространение в связи с развитием рыночных отношений и процессами глобализации. Отличительной чертой делового этикета являются партнерские отношения, построенные на протокольных принципах равенства и взаимного уважения.

Деловой этикет – это современная сложная коммуникативная структура, его основное содержание на уровне этикетной нормы составляют нормы дипломатического этикета и протокола, нормы светского и корпоративного этикета, а также этноэтикет, если речь идет о кросскультурном сотрудничестве.

Все составляющие структуры делового этикета взаимосвязаны и взаимозависимы, при этом каждая из них может быть предметом специального анализа. В то же время только в их системном измерении возникает единый целостный феномен – деловой этикет, который характеризуется новыми коммуникативными свойствами по отношению к своим составляющим.

В деловом этикете так же, как и в этикетной регуляции в целом, система нравственных ценностей занимает ведущее положение и предопределяет этикетную норму. Однако в деловом этикете эта система имеет свою специфику, поскольку помимо общечеловеческих, цивилизационных и социокультурных ценностей дополняется профессиональными и профессионально обусловленными ценностями. Данная система ценностных установок через соответствующие нормы этикета реализуется как культура делового поведения. Субъектом в данном виде этикетной регуляции выступает современное деловое сообщество и его представители на всех уровнях, включая международный.

Однако деловой этикет может быть рассмотрен не только как современная сложная коммуникативная структура, но и как инструмент формирования целевого имиджа. Для обоснования роли и места делового этикета в структуре имиджа необходимо обратиться к понятию «имидж».

Смысл существующих определений имиджа сводится к тому, что в нашем восприятии складывается определенное представление о другом человеке. Имидж – это целостный образ, поэтому в его формировании задействованы, как правило, все каналы восприятия: визуальный, вербальный, событийный, контекстный. Каждое измерение имиджа должно быть пред-

метод специального анализа. Последовательное рассмотрение визуального, вербального, событийного и контекстного измерений имиджа дает общее представление о том, что собой представляет имидж. Однако, чтобы определить роль и значение этикета в системе имиджа, необходимо учитывать также и психологические механизмы, лежащие в основании имиджа.

В первую очередь – это **проблема первого впечатления**. В психологической литературе она описана достаточно полно. Доказано, что при формировании первого впечатления действует установка на восприятие, а также и другие факторы. В результате целого ряда исследований психологами было обнаружено и исследовано несколько типовых схем, по которым строится образ другого и которые в той или иной степени используются, как правило, всеми людьми. Построение образа партнера по этим схемам объясняет принцип так называемого эффекта первого впечатления или систематические ошибки социального восприятия. Специалисты выделяют три основные ошибки: *превосходства, привлекательности и отношения к нам*.

Традиционно в исследованиях механизмов формирования первого впечатления эти три вида ошибок охватываются психологической категорией «эффект ореола». Он проявляется в том, что первое общее позитивное впечатление о человеке приводит к переоценке, а негативное – к недооценке партнера. При этом механизм ошибок во всех трех случаях оказывается схожим, хотя «источником» ореола в каждом случае являются разные причины – это либо фактор превосходства, либо фактор привлекательности, либо фактор отношения к нам. И хотя указанные три вида ошибок охватывают практически все ситуации общения, это не значит, что первичное впечатление о другом человеке всегда является ошибочным. По законам апперцепции, в первом впечатлении всегда в какой-то степени присутствует наш прошлый опыт, наши знания, которые, преобразуясь в установки, делают наше восприятие избирательным.

Ситуации первого знакомства относят к межгрупповому уровню общения, поскольку для людей, как членов социума, вопрос о групповой принадлежности партнера и его социальном положении является определяющим. Поэтому можно сказать, что первое впечатление всегда правильно. Ошибкой же является то, что стереотипизация вызывает определенную оценку и неизвестных, незначимых в данный момент свойств и качеств, что может привести к неадекватному общению в дальнейшем – за пределами ситуации первого впечатления.

Однако важно знать не только саму схему восприятия, но и те знаки во внешности другого человека или ситуации, которые запускают восприятие по этим схемам. Знание опорных точек, на которые опирается та или иная схема восприятия – по фактору превосходства, привлекательности или отношения к нам, позволяет эффективно управлять первым впечатлением, что представляет особый интерес для имиджологии. Фактор превосходства начинается тогда, когда человек фиксирует превосходство партнера над собой через язык одежды и манеру поведения. Поэтому, с одной стороны, мы строим свое поведение в зависимости от данной ситуации, с другой – при оценке личности партнера мы можем допустить ошибки, которые выражаются в преувеличении или преуменьшении тех или иных качеств партнера по общению. Следующий фактор – это фактор привлекательности. Знаки привлекательности, «запускающие» этот фактор, с одной стороны, выступают как степень приближения к тому типу внешности, который максимально одобряется той или иной группой, с другой – такими знаками являются усилия

человека, его желание выглядеть социально одобряемым в значимой для него группе. И, наконец, к фактору отношения к нам, «запускающему» соответствующую схему формирования впечатления, относят все, что свидетельствует о согласии или несогласии партнера с нами. Все это осуществляется за счет одного механизма – стереотипизации, поэтому сегодня в психологии принят тезис о том, что социальные стереотипы являются основой формирования первого впечатления, а социальная стереотипизация – главным механизмом этого процесса.

В целом ученые пришли к следующим выводам: социальный стереотип – это порождение группы; адекватно он может использоваться только в межгрупповых отношениях для быстрой ориентировки в ситуации, а также для определения людей как представителей различных групп. Ориентировка и определение происходят мгновенно – по знакам групповой принадлежности срабатывает механизм стереотипизации и актуализируется соответствующий социальный стереотип. Наиболее известными социальными стереотипами являются этнические или национальные стереотипы, физиогномические, профессиональные и др. К разновидностям социального стереотипа сегодня относят и имидж.

Описание проблемы первого впечатления дает основание говорить о том, что имидж сам по себе не является стереотипом. Социальный стереотип, вопреки прямой видимости, не имеет отношения к конкретному человеку, его опыту, знаниям и т. д. Реальным носителем стереотипов является группа. Имидж же всегда индивидуален, но не безотносительно, а с опорой на тот или иной стереотип. Это в равной степени относится не только к личному, но и к корпоративному имиджу, а также другим объектам. Такой подход дает возможность автору сформулировать следующее определение имиджа: имидж – это целенаправленное формирование впечатления о человеке, специальным образом сконструированное и позиционирующее его «личностное я» в рамках заданного стереотипа.

В свою очередь, такое понимание имиджа позволяет рассмотреть психологические механизмы управляемого эффекта первого впечатления, определим его как *«имиджевый эффект первого впечатления»*. С точки зрения имиджелогии важно, чтобы была запущена не одна схема восприятия, а все три сразу, т. е. задействованы все три ошибки социальной перцепции одновременно. По мнению психологов, эти три фактора охватывают практически весь спектр возможных ситуаций общения. Для имиджмейкера важно, чтобы все три фактора всегда действовали одновременно. Это дает возможность воздействовать практически на всю аудиторию (исключая те редкие случаи, о которых говорит А. А. Бодалев, когда люди не подвержены стереотипному восприятию), а значит управлять впечатлением практически всей аудитории в целом и каждого конкретного человека в отдельности, поскольку сработает либо одна из ошибок социальной перцепции, либо, что очень важно, все три – одновременно. Однако, чтобы запустить механизм ошибок социальной перцепции, необходимо проделать большую подготовительную работу по каждому фактору.

При имиджевом подходе по фактору превосходства оба параметра «внешность» и «манеры поведения», во-первых, должны быть соотнесены с конкретным стереотипом, во-вторых, соответствовать нормам, принятым в рамках данного стереотипа. Так, в основе формирования профессионального имиджа лежит обобщенный образ профессии, вида деятельности, а также общепринятые нормы, регулирующие внешний вид и поведение коммуникатора. Это в равной мере относится и к формированию персонального имиджа, только в

основе будет заложен не профессиональный стереотип, а обобщенный образ того социального слоя (группы), представителем которого является человек, его ролевой статус.

По отношению к имиджу социальные нормы, в том числе и этикетные, выполняют целый ряд функций. Они не только регулируют межгрупповые и межличностные отношения, но и конкретизируют имидж через определенные внешние и поведенческие стандарты в зависимости от того, о формировании какого имиджа идет речь. Следование этим стандартам как раз и дает возможность имиджмейкеру построить с точки зрения психологии восприятия необходимый образ. Поэтому по фактору превосходства оба параметра – внешность и манеры поведения при формировании, например, имиджа политического деятеля должны опираться на нормы и правила официального протокола и этикета, при формировании имиджа бизнесмена – на нормы делового этикета и протокола, и т. д. В зависимости от конкретного имиджа конкретизируется и вид этикета, его правила и нормы, регулирующие оба признака данного фактора.

При формировании необходимого образа по фактору привлекательности большое значение имеет работа по выявлению индивидуальных особенностей человека в визуальном и вербальном аспектах. Но и его визуальный, и его вербальный имидж должны выстраиваться в рамках заданного стереотипа, а также норм, и прежде всего этикетных, соответствующих этому стереотипу. Именно этикетные нормы регулируют, с одной стороны, цвет и стиль одежды, форму прически, макияж, с другой – голос, его тональность, громкость, темп и в целом всю речевую культуру поведения. Индивидуальные особенности человека, пропущенные через норму, становятся имиджевыми знаками, которые и запускают ошибки социальной перцепции по фактору привлекательности.

И, наконец, фактор «отношения к нам» хорошо дополнит образ коммуникатора, если согласие и уважение по отношению к партнеру по общению или аудитории будет также выражаться невербальными и вербальными средствами, регулируемые этикетными нормами, а также непосредственно языком этикета. Например, можно сколько угодно вежливо выражать согласие доброжелательной улыбкой, кивками головы, словесно и всей манерой поведения, но если за столом переговоров, во время делового визита или официального приема, свадебной церемонии нарушен принцип рассадки, механизм стереотипизации по фактору «отношения к нам» может быть запущен в другую сторону.

Проведенный анализ показывает, что для достижения имиджевого эффекта первого впечатления по каждому фактору должна быть проделана большая подготовительная работа как непосредственная, так и с точки зрения соблюдения этикетных норм, установок и правил, их регулятивной, коммуникативной и знаковой специфики. Это, в свою очередь, означает, что различие между «эффектом первого впечатления» и «имиджевым эффектом первого впечатления» имеет принципиальное значение. В первом случае мы имеем дело с образами, а понятие «образ» рассматривается психологами как начало процесса восприятия, в результате которого возникает впечатление о ком-то или о чем-то, а во втором случае речь идет об имидже как целенаправленном формировании желательного образа, как правило, положительного. Имидж – это продукт рациональной деятельности.

Выделение категории «имиджевый эффект первого впечатления» и его рассмотрение позволяет также определиться с понятием самопрезентации и ее разновидностями. Такое

уточнение с точки зрения имиджологии важно для разделения категорий «имидж в статике» и «имидж в динамике», поскольку имидж – это не только система самопрезентаций. Поэтому следующий шаг – это рассмотрение категорий «*имидж в статике*» и «*имидж в динамике*», их взаимосвязи и взаимообусловленности, а также роли и значения этикетной нормы в формировании целостного, устойчивого имиджа.

Для имиджа в статике важна форма. Самопрезентация и все ее разновидности – это предъявление имиджа в статике, поэтому подготовка к самопрезентации – прежде всего большая работа с формой. Сюда относятся: дизайн внешности – прическа, макияж; дизайн одежды – цвет, стиль, пропорции; владение культурой и техникой речи; знание и владение языком тела – мимика, жесты, позы; коммуникативные характеристики. Все это в отдельности и в целом регулируется и контролируется этикетными нормами в рамках заданного стереотипа. Результатом такой многоплановой работы должен стать управляемый «эффект первого впечатления», столь необходимый для самопрезентации. Однако такая работа с формой создает не только возможность управлять впечатлением аудитории, собеседника, но и создает феномен влияния формы на содержание. Применительно к имиджу это означает, что человек с необходимостью должен внутренне подстроиться к своему вновь созданному облику, к своей «новой» форме, «упаковке».

В подсознании каждого сформированы и хранятся представления и оценки, касающиеся внешности, характера, умственных, коммуникативных и творческих способностей, т. е. своего «я». «Я» – это форма переживания человеком своей личности, в которой личность открывает сама себя. В психологии это «я» получило название «я-концепция». В диссертации показано, что работа по формированию личного и профессионального имиджа не исчерпывается только внешним обликом человека. В целом, «я-концепция» относится не просто к внешности, физическим данным или способностям человека, а к закономерностям в человеческом поведении. Это система действий, направленных как на самого себя, так и во вне. По отношению к имиджу она означает, что изменение внешнего облика человека, новый образ «я», требует и определенной внутренней перестройки, изменения самооценки и отношения к самому себе.

Для имиджа в динамике определяющим является не форма, а содержание. Суть этого содержания состоит в понимании себя, своего «я» как целостности, в определении собственной идентичности. Психология «я» – это не сумма частных характеристик, а целостный образ, единая, но в то же время не лишенная внутренних противоречий установка по отношению к самому себе. Она включает в себя: познавательный, понятийный элемент – представление о самом себе, «образ я» или образы «я»; оценочный элемент – самооценка и соответствующее отношение к собственной личности, а также поведенческий элемент – поведенческие реакции, способность действовать по отношению к самому себе так же, как и к другим людям. Эта установка по отношению к самому себе, а также система действий, направленных как на самого себя, так и во вне, во многом определяется процессами социализации и культурации личности. В этой связи следует особо отметить роль и значение этикета в формировании личностной определенности. Как и все формы ценностного сознания он обладает двунаправленностью, с одной стороны, на мир, окружающий личность, с другой – на саму себя. Вместе с другими формами ценностного сознания этикет

направлен не только на формирование внешней поведенческой культуры, но и на формирование «личностного я», его ценностных установок по отношению к себе и другим. Это значит, что этикетная норма присутствует на всех уровнях «я»:

– в образах «я», как фиксация себя и своего места в биосоциальной стратификации коллектива, поскольку именно с помощью правил этикета кодируются отношения в семье и более широком социуме;

– на уровне самооценки, как ощущение собственной ценности, которое во многом определяется отношением со стороны окружающих. При этом, как правило, это отношение реализуется через соблюдение этикетных норм на межличностном и групповом уровнях общения. На каждый этикетный знак человек отвечает определенным чувством, поэтому соблюдение норм, большинство из которых выполняется в основном автоматически, обеспечивает внутренний эмоциональный комфорт, поскольку каждый этикетный знак как бы подтверждает «правильное течение жизни». И наоборот, нарушение и искажение этикетных правил имеет негативную направленность, отрицательно сказывается на общем эмоциональном состоянии. Сознательное, повторяющееся нарушение или искажение этикетных норм по отношению к человеку влечет за собой серьезные эмоциональные переживания, действует дестабилизирующе на его психическое здоровье, а также ведет к понижению самооценки. Поэтому на уровне самооценки этикет выступает как охранительная система морально-психологического значения;

– и, наконец, как результат фиксации себя и своего места в биосоциальном пространстве, как результат оценки себя и отношения к себе – поведенческие реакции коммуникативного плана, обусловленные системой социальных норм, в том числе и этикетных.

Таким образом, в рамках «я-концепции» этикет представлен на всех уровнях ее структуры и играет существенную роль в формировании личностной определенности каждого индивида. Однако разграничить уровни «я» и присутствие там нормы, в том числе и этикетной, можно только в абстракции, да и то условно, поскольку осознание себя – это осознание некоей устойчивой, более или менее определенной единицы, которая сохраняется независимо от меняющихся ситуаций (сознание своей идентичности). Это, в свою очередь, предполагает фактическое единство, преемственность и последовательность установок, ценностных ориентаций и поведенческих реакций. Их совокупность образует некоторое мировоззрение, в свете которого рассматриваются собственное «я» и окружающий мир; характеристика «я», складывающаяся в процессе социального взаимодействия с другими людьми, а также самооценка, проявляющаяся как одобрение, развитое чувство самоуважения, ощущение собственной ценности или, напротив, чувство неодобрения, неприятия себя, самоотрицания. Это важно и необходимо учитывать при работе по формированию личного имиджа.

Формирование внешнего вида, насколько бы серьезной, кропотливой и многосторонней не была эта работа, – это работа с имиджем в статике. Имидж в статике – это приоритетное значение формы над содержанием. Имидж в динамике – это единство формы и содержания, когда изменение привычного образа «я» с необходимостью требует изменения самооценки, а следовательно, и поведенческих реакций. Только в динамике имидж обретает целостность и устойчивость восприятия образа как в сознании окружающих, так и в сознании самой личности.

Основой устойчивого действенного имиджа является его целостность, которая выступает как процесс самоидентификации по отношению к «новому», созданному образу «я». Критерием целостности и устойчивости создаваемого образа становится повседневная практика, т. е. не только система самопрезентаций, представленных в виде интервью, пресс-конференций, выступлений, участия в деловых встречах, беседах, переговорах, форумах и других представительских мероприятиях, но и практическое участие в событиях реальной жизни. Поэтому высшим оценочным критерием имиджа является репутация, нравственная оценка, выносимая общественным мнением по отношению к нормативно-этической стороне поступка, поведения, деятельности в целом. В структуре имиджа понятие «репутация» занимает особое место и включает в себя правовые, нравственные и психологические компоненты, особенности менталитета. Одной из составляющих этой оценки является также и отношение к поведенческой культуре, духовная интенция поведения как уважение к другим. Можно много сил, времени и средств потратить на формирование «картинки», внешнего имиджа, однако в динамике имидж, как вариант доминантного, свернутого текста зависит прежде всего от репутации человека. Именно репутация дописывает «рисунок», создает определенную палитру восприятия образа. В исследованиях в области имиджа вопрос о репутации является предметом специального рассмотрения.

Таким образом, присутствие этикета в формировании имиджа обнаруживается на всех этапах конструирования образа личности:

– на этапе формирования внешнего имиджа в качестве одного из формообразующих (одежда, внешность, манеры, язык жестов и др.) и коммуникативных факторов (речевая и поведенческая культура);

– на содержательном уровне, как одно из условий формирования личностной самооценки и ответных реакций (процесс самоидентификации);

– и, наконец, как важная составляющая высшего оценочного критерия – репутации.

При этом на этапе формирования внешнего имиджа речь идет непосредственно о нормах делового этикета, т. е. об этикете как форме социального общения, на содержательном и оценочном уровнях – об этикете как форме ценностного сознания.

R. I. Mamina

ROLE OF BUSINESS ETIQUETTE IN IMAGE FORMATION

Is devoted to business etiquette as modern complicated communication structure, as well as its place and role in image system.

Etiquette, business etiquette, image, stereotype, business behavior culture

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ МИЛИТАРИ-ИМИДЖА

В условиях оппозиции восточной и западной культур в исследовании милитари-имиджа центральный вопрос заключается в определении онтологических оснований этого социального феномена. Основной механизм социокультурной детерминации связан с системой норм и идеалов, укорененных в фундаментальных пластах культуры и проецирующихся в ментальных структурах.

Социокультурная детерминация, милитари-имидж, социокультурные концепции, социокультурный подход, менталитет

Проблема детерминации развития социума всегда была и остается одной из центральных проблем в социальной философии. В основании любой научной концепции лежат философские принципы, в том числе принципы детерминизма и причинности. Социальные процессы детерминированы определенными закономерностями, которые относительно образом распределены в социальном пространственно-временном континууме, т. е. неравномерно реализуются в различных культурных традициях, как в пространственном аспекте, так и во временном. Данный тезис справедлив и по отношению к милитари-имиджу, существование которого в качестве социального феномена обусловлено определенными основаниями. В самом общем виде в качестве таковых можно выделить материальные, политико-правовые и социокультурные.

Под милитари-имиджем принято понимать конкретный субкультурный феномен, который представлен через элементы военной атрибутики, определенный стиль поведения. Однако более фундаментальный анализ показывает, что милитари-имидж отражает общее восприятие военной тематики в социуме и проявление этого отношения в конкретной культурной традиции. Термин «милитари» (от англ. *military*) ассоциируется не только с модным стилем в тех или иных направлениях, но и с самим образом жизни индивидуумов и целых социальных групп, в котором конституализированы их мировоззренческие и аксиологические установки. Под милитари-имиджем следует понимать отношение к войне и как оно непосредственно выражается в структурных узлах социального механизма.

В анализе социальных явлений на первое место выходят социокультурные детерминанты, ввиду чего возникает необходимость в определении социокультурности. Понятие «социокультурность» формировалось исторически. Изначально, социокультурное понималось исключительно как следствие исторического развития общества, как его продукт. В данном контексте творцом мира культуры выступал человек, при этом он рассматривался как равный Богу творец, а не как бытие от тела самой культуры. Во второй половине XX века культура приобретает принципиально новое значение в процессе развития и функционирования социума. Культура обретает статус одной из детерминант общественного развития [1, с. 316]. Таким образом, социокультурное можно определить как «детерминационно-императивный компонент человеческого бытия» [2, с. 25].

Жизнеустройство людей – это непрерывный процесс возникновения, роста, трансформации и исчезновения общностей, культур и государств, расширения деловых связей с

переносом языка и культурных традиций, захватнических войн с расширением сфер влияния и т. д. Человеческая деятельность в области эмпирических наук привела к тому, что человек каким-то образом отстранился от постижения таких аксиологических категорий, как добро и мораль. Постоянно развивая и совершенствуя материально-техническую базу, человек, тем не менее, по-прежнему остается в неудовлетворительном моральном состоянии, подвластным биологическим силам, стремящимся к наслаждениям и материальным ценностям. Такая дисгармония ведет к нарушению эскалации и ужесточению межличностных и межгрупповых конфликтов: войн, революций, мятежей, преступлений и других проявлений нравственной анархии. В XX веке борьба и распри между людьми приобрели катастрофические размеры: две мировые войны, многочисленные военные конфликты, революции и мятежи, теракты, межэтнические конфликты. В настоящее время нравственная анархия начинает реально угрожать жизни человечества. Международные террористические акции крупных и сверхкрупных масштабов уже всколыхнули мир. Терроризму очень сложно противостоять. Чем жестче антитеррористические меры, тем изошреннее он становится.

Каждый народ априори нацелен на обеспечение воспроизводства своих культурных традиций, сохранение своей собственной модели развития. Подобные стремления могут выражаться в негативном отношении к другим народам и зачастую приводят к серьезным коммуникативным деформациям, иногда являющимся причиной военных конфликтов. Социологи по-разному подходят к проблеме понимания сущности подобных конфликтов. Одни видят в них конструктивный элемент по отношению к любому организованному обществу (например, см. [3]), другие, наоборот, воспринимают их как «болезнь», несущую разрушительные, разъедающие и дисфункциональные последствия (например, см. [4]). Но все сходятся в одном – из социальной жизни военные конфликты исключить нельзя. Немецкий социолог М. Вебер (1884–1920) говорил: «Нация простит ущемление ее интересов, но не простит оскорбления ее чести». Война, по Веберу, создает необыкновенно спаянную общность воюющих, так как придает смысл их жизни [5].

Интересно, что возникающие в последнее время войны представляют собой столкновение Востока с Западом, например, конфликт в Югославии, война в Чечне, война в Ираке, затяжное противостояние Израиля и Палестины. На сегодняшний день, с одной стороны, формируется коалиция «цивилизованных» стран (Запад), с другой – настойчиво пытаются объединиться под эгидой мусульманства страны, выпавшие из западной цивилизации (Восток). Такое глобальное размежевание является одним из источников нарастающего противостояния и жесткого противоборства. Данное обстоятельство инициирует интерес к изучению несоответствий в культурах Запада и Востока.

На разнообразии культур Запада и Востока оказывают влияние различие климата, географического положения, специфика этногенеза, которая включает не только возникновение каждого народа и начальные этапы его развития, но и последующее формирование отдельных особенностей в области этнографии и лингвистики. В основе этого разнообразия лежат особенности развития общественного бытия. Любая культурно-историческая общность представляет собой, главным образом, социально-психологический феномен, и поэтому в решении проблемы Запад – Восток следует выявлять устойчивые инвариантные черты психологии и эстетического сознания народов Востока и народов Запа-

да и искать их корни в устойчивых инвариантных чертах образа жизни народов того и другого регионов [6, с. 113]. Между социокультурными явлениями существуют причинные связи, но не такие, как в физических, химических и даже биологических явлениях. Это большей частью типологические связи, поэтому необходимы иной подход, иные методики, учитывающие сущность социокультурных явлений. Только сущность может быть ключом как к простейшим, так и к сложнейшим системам причинных, статистических и динамических связей в социокультурном мире. Для решения этого вопроса уже не достаточно одностороннего рассмотрения в узких сферах отдельных дисциплин, а необходим некий междисциплинарный подход. Например, классическая культурология, которая как раз и занимается изучением различных культур, как правило, просто очерчивает образ культуры на данный исторический момент и дает описательный анализ культуры, который, однако, не переходит в социологический.

Новый взгляд на социокультурные процессы развития общества предложил А. С. Ахиезер. Он создал концепцию, которая дает последовательное системное понимание социокультурных механизмов общества. В основе теории Ахиезера лежит деятельностный подход. Человеческая история рефлексивна, в этом ее отличие от биологических процессов. Рост рефлексии означает усиление способности человека делать свою историю и самого себя предметом своей деятельности, содержанием культуры. По мнению Ахиезера, любое познание истории включает не только описание предметного содержания исторического события, объяснение его причин и условий, но и понимание того, в какой степени сами люди осознают содержание собственных действий и поступков. Человек – носитель определенной культуры и социальных отношений. Он воспроизводит культуру. Благодаря ему культура сохраняется, переходит из поколения в поколение. Изучение столь специфического предмета не может быть замкнуто в сфере социологии, экономики, философии, культурологии и т. п., для этого нужен синтетический подход, в рамках которого каждая культура рассматривается как специфическая сфера реальности, имеющая первостепенное значение для понимания механизмов исторической деятельности – от воспроизводящей общество и государственность до формирующей повседневность (подробнее см. [7]).

Вторичная социокультурная концепция была предложена А. И. Ракитовым – это так называемая концепция культурного ядра, согласно которой любую культуру следует рассматривать как двухкомпонентную структуру, состоящую из ядра культуры и защитного пояса¹. При этом в ядре культуры сконцентрированы все нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также система ценностей, выработанная в процессе истории. Эти стандарты и правила непосредственно связаны с историей общества, реальными условиями его развития, спецификой окружающей природной среды, национальными привычками, адаптационными процессами и прочими установками, в которых изначально формировалось культурное ядро. Основной функцией ядра культуры является сохранение самоидентичности социума. Ядро выполняет функцию своего рода социальной ДНК, хранящей информацию об истории, этапах

---

¹ Концепция А. И. Ракитова построена по аналогии с концепцией развития науки И. Лакатоса [10].

формирования, условиях жизни и деятельности. Для сохранения ядра культуры в процессе исторического развития возникает особый защитный пояс, который выполняет функцию фильтрующего механизма, пропускающего директивную информацию, идущую из ядра во все структурные узлы социального механизма, но при этом активно поглощающего информацию, поступающую в социум от других культур. Ядро культуры в первую очередь реализуется в фольклоре, мифологии, национальных и социальных обычаях, традициях бытового поведения, обрядах. Аккумулируемая в культурном ядре информация передается от поколения к поколению через систему воспитания и образования (подробнее см. [8, с. 14–34]).

Синтетический подход к осмыслению социокультурных явлений привел к образованию понятий, которые оказываются применимыми равнозначно как к социально-историческому, так и к культурно-историческому процессу.

Одним из таких понятий стало понятие «менталитет». В рамках определения данного термина выделилось несколько направлений. Так, с позиций исторической психологии менталитет определяется как обобщение всех характеристик, отличающих ум, образ мышления. Аналогичное понимание менталитета было выработано во французской исторической школе «Анналов»: в человеческом сознании, в той или иной форме, находят свое преломление самые разные проявления бытия, закрепляясь в системе образов, представлений, символов. Именно поэтому основной акцент в изучении особенностей культуры следует делать на образ мыслей людей, способы и формы организации мышления, образы, картины мира, запечатленные в сознании.

В социокультурном подходе менталитет трактуется как совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, которые влияют на исторические и социокультурные процессы. Другими словами, менталитет – это некая интегральная характеристика людей, живущих в отдельной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него [9, с. 20–29]. Содержание менталитета определяется, прежде всего, теми знаниями, которыми владеет определенная социальная общность. Знания и верования составляют представления об окружающем мире, что и является базой менталитета.

Отраженные в сознании взаимоотношения между явлениями действительности и оценки этих явлений воссоздаются в мотивационной сфере. Система доминирующих в социальной группе мотивов, детерминированная существующей иерархией ценностей, отражает некоторые единые для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности и интересы. Эти и другие обеспечивающие готовность действовать определенным образом факторы являются социальными установками и могут считаться одной из основных характеристик менталитета нации или социального слоя.

Основываясь на вышеизложенном, можно заключить, что изучение различий в менталитете «конкурирующих» культурных традиций возможно на основе выявления определенных детерминант, в качестве которых выступают структуры, формирующие культурное ядро каждой культурно-исторической традиции. Несмотря на то, что содержательная составляющая этих детерминант различается, они выступают теми ключевыми точками, которые

определяют направление компаративистского анализа в изучении вопроса формирования и развития милитари-имиджа в традициях Запада и Востока, а также выявлений типологических совпадений и различий в формах восприятия и понимания перманентной темы войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крапивенский С. Э. Социальная философия. 3-е изд. Волгоград: Комитет по печати, 1996.
2. Барулин В. С. Социально-философская антропология. М.: Онега, 1994.
3. Park R. E., Burgess E. W. Introduction to the Science of Society. Chicago: Chicago University Press, 1929.
4. Парсонс Т. Социальная система. М.: Мысль, 1995.
5. Вебер М. Избранное: Образ общества. М.: Юрист, 1994.
6. Каган М. С., Хилтухина Е. Г. Проблема Запад–Восток в культурологии. М.: Наука, 1994.
7. Ахиезер А. С. Социокультурный словарь // Россия: критика исторического опыта. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
8. Ракитов А. И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры // Вопр. филос. 1994. № 4. С. 14–34.
9. Дубов И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопр. психол. 1993. № 5. С. 20–29.
10. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Методологические проблемы развития науки. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1974. С. 87–168.

E. V. Piraynen

THE PROBLEM OF SOCIAL AND CULTURAL BASES OF MILITARY-IMAGE

In the research of military-image in conditions when oriental and western civilizations are in opposition, the central question consists in definition of the ontological bases of this social phenomenon. The primary method of social and cultural determination is connected with the system of norms and ideals, which is deep-rooted in fundamental stratum of culture and projected on mental structures.

Social and cultural determination, military-image, social and cultural conception, social and cultural approach, mentality

УДК 81:711.424

О. А. Преображенская

ЛОКАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ: ПРОСТРАНСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Рассматриваются возможности построения когнитивной базы пространства Санкт-Петербурга. Анализируется система прецедентных феноменов, относящихся к городу.

Межкультурная коммуникация, этнопсихоллингвистика, лингвокультурология, когнитивная коллективная база, прецедентные феномены, инвариант восприятия

Фундаментальным положением теории межкультурной коммуникации (МКК) является существование оппозиции «свой – чужой», проявляющейся практически на всех уровнях коммуникации как вербально, так и невербально.

Современные лингвистические исследования в рамках этнопсихоллингвистики [1], [2], [4] и лингвокультурологии [3] формируют представление о том, где могут лежать возможные зоны коммуникативных неудач при внешне «безопасном» языковом общении. Основопологающим понятием в этом плане является понятие «прецедентность», которое формулируется в самом современном и широком понимании В. Красных: «К числу преце-

дентных относятся феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; ... которые обязательно имеют общий, обязательный для всех носителей данного национально-ментального комплекса национально-детерминированный, минимизированный инвариант его восприятия; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) апелляция к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [1, с. 44–45]. Московская лингвистическая школа рассматривает четыре типа прецедентных феноменов (ПФ): прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ), прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ) [1], [2], [4].

В процессе коммуникации именно «владение» прецедентными феноменами нивелирует или полностью устраняет оппозицию «свой – чужой», либо усугубляет коммуникативный провал.

Кроме специфики национального языкового сознания, глобальной национальной когнитивной базы – русской, французской, немецкой и т. д., существуют, безусловно, и локальные, связанные с определенным географическим регионом, городом и т. д. Независимо от характеристик «малой Родины» практически любой человек генетически ощущает свои корни, гордится ими, особенно в России, стране с коллективным типом культуры. Принадлежность к своему «гению места» представляется исключительно важной благодаря своей эмоциональной составляющей.

Богатство конкретной локальной когнитивной базы связано с многими факторами.

Санкт-Петербург, занимающий особое место как в геополитическом, так и в историческом и культурном плане, обладает обширной коллективной когнитивной базой. Ее спецификой является идентичный не только для жителей города на Неве, но и для всех наших соотечественников инвариант восприятия. В России на вопрос: «Откуда вы?» ответ: «Из Петербурга» практически всегда вызывает положительные эмоции и дает толчок к приятным воспоминаниям о пребывании в этом городе.

Следовательно, речь идет не о закрытом для посторонних коллективном когнитивном пространстве [1, с. 43].

Система прецедентных феноменов на пространстве Санкт-Петербурга может быть представлена следующим образом.

Прецедентные ситуации – блокада, Дорога жизни, белые ночи, дамба, разводка мостов, наводнение, корюшка, ленинградская погода и т. д. Практически все феномены, приведенные в качестве ПС, аккумулируют знания о конкретной данной ситуации и о системе ее оценок, причем инвариант восприятия (ИВ) ПС является своеобразной квинтэссенцией представления о «добре и зле». Интересен в этом отношении ИВ, часто имеющий, тем не менее, градации, соответствующие более точной дифференциации участников коммуникации (например, петербуржец – непетербуржец; россиянин – нероссиянин, житель ближнего-дальнего зарубежья). Так, для коренного петербуржца ПС «ленинградская (петербургская) погода» соответствует представлению о спокойном, иногда даже снисходительно-ироничном отношении к ее капризам, для непетербуржцев эта же ситуация часто воспринимается почти как драматическая. Разводка мостов, столь романтическая для туристов, становится иногда транспортной проблемой для петербуржцев. Типичной локально-прецедентной ситуацией можно считать и

ПФ «корюшка», вызывающая у жителей Петербурга не только гастрономические ассоциации, но и предчувствие скорой весны, картины штурма рыбаками-подледниками электрочек, дискуссии хозяек о преимуществах невской или ладожской корюшки.

Наряду с локальными существуют и национальные ПС, также относящиеся к Петербургу. Некоторые из них близки к архетипу и их ИВ не подлежит обсуждению: блокада, Дорога жизни, – мнение о возможности сдачи города фашистам и спасения тем самым части населения Ленинграда однозначно воспринимается как оскорбительное.

Прецедентное имя обладает определенной структурой [1], [2], [4]. Ядро ПИ составляют дифференциальные признаки, а его периферию – атрибуты. Дифференциальные признаки ПИ могут включать характеристику предмета по внешности, по чертам характера или актуализоваться через ПС. Так, в соответствии с имиджем города, его определенные районы адекватно ассоциируются с представлением или о Санкт-Петербурге, или о Ленинграде. У многих коренных ленинградцев переименование города в эпоху Собчака вызвало негативную реакцию по разным причинам, одной из которых был диссонанс между «имперским столичным названием» и крайней запущенностью, грязью и разрухой в городе.

Типичным примером дифференциальных признаков ПИ по характеру является, условно, имя основателя города, а из наших современников – имя академика Д. С. Лихачева – носителя лучших черт петербургского интеллигента.

Актуализация ПИ через ПС осуществляется, например, при апелляции к ПС «блокада», которая ассоциируется у всех россиян с единственным городом страны – Ленинградом. Именно это обстоятельство при переименовании города вызвало негативную реакцию у части его жителей старшего поколения, утверждавших, что для человечества слово «Ленинград» – символ героизма, а не память о вожде революции.

Атрибуты – это некие элементы, тесно связанные с означаемыми ПИ, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации [2, с. 54]. Так, практически каждому петербуржцу известен знаменитый шарф Б. Пиотровского, черная шляпа М. Боярского, рост А. Волочковой, акцент Э. Пьехи.

Характерным для функционирования ряда ПИ пространства Санкт-Петербурга является их использование в качестве имени-символа: Петр Великий, академик Лихачев. К символам можно отнести и такие ПИ, как В. Цой (рок-культура), нон-конформист М. Шагин, символ интеллектуального андеграунда Б. Гребенщиков и т. д.

Прецедентное высказывание – это феномен собственно-лингвистической природы, обязательным является его высокочастотная воспроизводимость в речи. ПВ представлено либо кратким текстом-источником, либо словосочетанием, предложением, фразой, принадлежащей дискурсу. ПВ обладает многоуровневой семантической структурой, включающей в себя поверхностное и глубинное значения, системный смысл, а также соответствующую коннотацию [4, с. 85]. Типичными петербургскими ПВ можно считать следующие высказывания: «Петербург – Петроград – Ленинград», «брат Смольный», «ждать у разведенного моста», ироническая реплика отчаявшегося, но, наконец, дозвонившегося абонента: «Это Смольный?» и т. д.

Прецедентный текст – это вербальный ПФ, хранящийся в виде ИВ, представляющего собой некую минимизированную структуру. Апелляция к ПТ осуществляется через связанные

с текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена [1, с. 69]. Классическим примером «петербургского» ПТ является поэма А. С. Пушкина «Медный всадник», обращение к которой осуществляется через ПВ «люблю тебя, Петра творенье», или через ПИ «Петр I».

Прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными. К последним относятся произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т. д. По-видимому, в пространстве Санкт-Петербурга возможно считать невербальными ПФ не только Петропавловскую крепость, Зимний дворец, Стрелку, Медный всадник, Спас на крови, Исаакиевский собор, но и Неву, Ладогу, Невский и т. д., а также некоторые учреждения культуры: Эрмитаж, Мариинский театр.

Невербальными музыкальными ПФ-символами Ленинграда стали Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича и «Гимн великому городу» Р. Глиэра.

Характерно, что практически все перечисленные невербальные ПФ, независимо от объективных профессиональных оценок, имеют позитивный инвариант восприятия (так, специалисты считают архитектурными неудачами Исаакиевский собор и храм Воскресения Христова, в просторечии Спас на крови).

Таким образом, правомерно говорить о существовании локальных коллективных когнитивных баз, в частности, пространства Санкт-Петербурга. Их прецедентные феномены могут носить как национальный, так и локальный характер. Инварианты восприятия ПФ в основном совпадают, но могут отличаться, дифференцируя в некоторых случаях участников коммуникации.

Богатство конкретной когнитивной базы зависит от исторических и социально-политических факторов. Очевидно, что в силу указанных обстоятельств, два города России – Москва и Петербург будут традиционно «соревноваться» в этом отношении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002.
2. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
3. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию: Учеб. пособие. М.: Наследие, 1997.
4. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1. С. 82–103.

O. A. Preobrazhenskaya

LOCAL-PRECEDENT PHENOMENA: SAINT PETERSBURG SPACE

*The construction possibilities of cognitive space base of Saint Petersburg are considered.
The system of precedent phenomena related to the city is analyzed.*

Intercultural communication, ethnopsycholinguistics, linguistic cultural studies, cognitive common joint base, precedent phenomena, perception invariant

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Представлены некоторые результаты философского исследования корпоративной культуры как инструмента управления персоналом. Дано определение понятию «корпоративная культура», раскрыты особенности ее функционирования и структура. Подчеркивается ключевая роль нравственных ценностей в формировании и развитии корпоративной культуры, раскрывается отличие последней от других инструментов управления персоналом. Перечислены наиболее распространенные способы формирования корпоративной культуры.

Корпоративная культура, инструмент управления персоналом, ценности, нормы, поведение, корпоративная культура как система, элементы корпоративной культуры, мотивация, человеческий фактор

Современное общество обладает целым рядом цивилизационных характеристик, которые делают необходимыми изменения подходов к управлению персоналом. Социокультурный анализ особенностей современного общества приводит к выводу о закономерном превращении корпоративной культуры из спонтанно складывающейся характеристики организации в инструмент целенаправленного управления персоналом. В связи с этим исследование корпоративной культуры становится очень актуальным.

Сложная природа корпоративной культуры, многоаспектность ее как предмета исследования требует применения комплексного и междисциплинарного подходов. Социальная философия в этих условиях выполняет *методологическую функцию*. Это предполагает использование категориального аппарата философии при анализе теоретических и прикладных исследований корпоративной культуры, осуществляемых в рамках конкретных наук (социологии, социальной психологии, культурологии, управления персоналом). В частности, опираясь на категории «явление» и «сущность», философия побуждает исследователя выделять в качестве важного этапа изучения корпоративной культуры ее *феноменологическое описание*.

Корпоративная культура как социокультурный *феномен* имеет множество разнообразных *проявлений* (корпоративные ценности, нормы и правила поведения сотрудников, обычаи и традиции организации, «легенды и мифы» о происхождении и этапах развития организации, и др.). Практически каждое из этих проявлений одновременно выступает в качестве *факторов* и поддержания, и формирования корпоративной культуры. Исследователи отмечают возросший интерес менеджмента к корпоративной культуре как инструменту управления персоналом, чему и посвящена данная статья.

Начнем с того, что представляет собой корпоративная культура, чтобы далее понять, каким образом с ее помощью осуществляется управление персоналом организации.

Анализ работ, посвященных рассмотрению корпоративной (организационной) культуры, позволяет автору данной статьи сформулировать следующее определение термина *корпоративная культура* (на уровне *феноменологического описания*): **это набор ценностей и вытекающих из них норм, правил поведения, а также других элементов, которые существуют в сознании сотрудников и/или реализуются в поведении этих сотрудников.**

Важно иметь в виду, что корпоративная культура существует в каждой организации, независимо от того, ведется ли ее целенаправленное формирование или осознается ли ее

наличие. Возможна (и нередко) ситуация, когда руководство официально *провозглашает* определенные ценности, вводит правила и стандарты, но сотрудники (да и сами руководители!) не разделяют их, и поэтому корпоративная культура организации характеризуется *на самом деле* неофициальными ценностями и «неписанными» правилами. Точнее, корпоративная культура в этом случае характеризуется «двойным стандартом».

Каким образом функционирует корпоративная культура и какова ее структура? И ценности, и правила, и стандарты, а также другие элементы корпоративной культуры *направляют* деятельность сотрудников. Однако эти разные *элементы* корпоративной культуры имеют *разные механизмы управляющего воздействия* на поведение.

Рассмотрим с этой точки зрения *ценности и нормы*. В чем различие механизмов управления этих важнейших составляющих корпоративной культуры? Ценности рассматриваются как «внутренний, эмоционально освоенный субъектом ориентир его деятельности, и поэтому воспринимается им как собственная духовная интенция, а не имперсональный, надличностный, отчужденный от него регулятор поведения» [3, с. 164]. Важно то, что ценности обладают *мотивационным* воздействием за счет своего *эмоционального компонента*. Эмоции «маркируют» окружающую действительность, детерминируя то, что для человека становится привлекательным, и то, что становится отталкивающим. Поэтому именно благодаря ценностям какие-то модели поведения человек стремится выполнять, а какие-то – избегать.

Что касается норм, они сами по себе не обладают *собственным* побуждающим компонентом. Однако «нормы ... не берутся ниоткуда и не существуют сами по себе, они выступают как формализованные носители ценностей, они конкретизируют ценности, способствуют реализации ценностных установок» [5, с. 8]. Вообще «любой нравственный регулятив подразумевает наличие ценности, на которую он направлен» [4, с. 14 – 15]. Таким образом, когда нормы не опираются на соответствующие им ценности, тогда для исполнения они нуждаются во *внешней мотивации* в виде поощрений и наказаний.

Из этого следует, что любая норма (стандарт, правило), вводимая в организации (если мы хотим, чтобы она качественно исполнялась), требует своей укорененности в соответствующих ценностях в сознании сотрудников. Только в этом случае будет обеспечена подлинная мотивация исполнения нормы, а значит, наиболее качественная ее реализация. Если в организации вводятся некоторые нормы, правила, которые оказываются не соответствующими тому набору ценностей, который присущ сознанию сотрудников на данный момент, то они будут внутренне отвергать эти нормы. Естественно, что это скажется на реализации внедряемых норм в деятельности, потому что, как было отмечено ранее, именно ценности в конечном счете детерминируют, что для человека становится привлекательным или, наоборот, непривлекательным и определяют его поведение.

Р. И. Мамина предлагает рассматривать соотношение категорий «ценности», «нормы» и «поведение» следующим образом: «...ценности – это основополагающие регулирующие инстанции, это внутренние регуляторы поведения, нормы – это внешние регуляторы, они задают параметры поведения в рамках той или иной формы ценностного сознания, а результатом взаимодействия этих двух регуляторов является конкретное поведение. Таким образом, формируется определенная триада: Ценности – Нормы – Поведение» [5, с. 10]. Данное соотношение может быть применено для определения структуры корпора-

тивной культуры. Основой структуры (ядром) выступают ценности. Последние определяют представление о нормах, которые следует соблюдать в организации, а эти представления получают свою реализацию в поведении сотрудников.

Таким образом, если нужно добиться определенного поведения персонала, недостаточно установить соответствующие правила, нормы и стандарты. Необходимо, помимо норм и правил, сформировать «ценностную базу». Говоря о том же самом иначе, ценности задают *обобщенное направление* активности, а правила, нормы и стандарты конкретизируют эти ценности.

Далее, корпоративная культура, рассматриваемая в целом, имеет в своем составе не только «полный набор» элементов, обеспечивающих управление поведением сотрудников: как нормы, которым необходимо следовать, так и внутренние побуждения следовать этим нормам (ценности). *Кроме этого*, в составе корпоративной культуры имеются и такие элементы, которые обеспечивают *проникновение ценностей* в сознание сотрудников (ритуалы, традиции, «мифы и легенды» организации, ее «герои», специфика оформления и заполнения пространства). Эти элементы формируются спонтанно или целенаправленно и отражают те ценности, которые существуют в сознании членов организации (как руководства, так и рядовых членов).

Если рассматривать корпоративную культуру как систему, то ее системообразующим фактором являются ценности, которые пронизывают все остальные ее элементы (нормы, правила, стандарты, мифы, легенды, образцы поведения, модели общения и т. д.).

Из вышеизложенного видно, какое значение имеет корпоративная культура для жизни организации. Она определяет отношение персонала к работе, к клиентам, коллегам, начальству и прочие вещи, которые напрямую сказываются на успешности организации. Поэтому естественно стремление руководства использовать корпоративную культуру как фактор повышения конкурентоспособности организации. Иначе говоря, корпоративная культура может являться *инструментом управления* персоналом. Естественно, такое возможно лишь в случае, когда корпоративную культуру формируют и/или поддерживают *целенаправленно*.

В связи с этим будет целесообразно определить *отличие* корпоративной культуры, используемой в качестве инструмента управления, от других инструментов управления. Прежде всего, необходимо дать определение этому термину: ***инструмент управления персоналом*** – это некоторое воздействие на управляемый персонал, обеспечивающее такое поведение этого персонала, которое позволяет достигать цели управления. Далее перечислены наиболее распространенные в современной практике инструменты управления:

- постановка задачи;
- обучение;
- инструкции, в том числе должностные инструкции;
- приказы, распоряжения;
- система мотивации (= система наказаний и поощрений);
- разные формы контроля деятельности персонала;
- разные формы оценки персонала (в том числе аттестация).

По сравнению с перечисленными инструментами управления, которые представляют собой, главным образом, некие *внешние регуляторы поведения*, корпоративная культура обладает значительно более сильно выраженным элементом *внутренней саморегуляции*, т. е. сотрудник, искренне принимая и разделяя какие-то ценности, убеждения, нормы, **сам**

регулирует свое поведение. Правила, нормы и стандарты, *соответствующие ценностям*, выполняются сотрудниками *без дополнительно внешнего поощрения и наказания*. Это тем более актуально, что в «современной инновационной личностно-креативной культуре ... изменилось соотношение ценностного и нормативного механизмов управления поведением членов общества в сторону преобладания ценностного, где одна из особенностей личности и состоит в саморегуляции поведения...» [5, с. 20].

Таким образом, корпоративная культура как инструмент управления направлена на то, чтобы интерес сотрудника действовать тем или иным образом стал его «кровным интересом». В связи с этим отпадает необходимость постоянного внешнего регулирования поведения сотрудника.

Стоит подчеркнуть, что технология формирования эффективной корпоративной культуры – это *трудновоспроизводимое конкурентное преимущество*. Мотивация персонала, обусловленная корпоративной культурой, очевидно, является мотивацией более высокого уровня, чем та мотивация, которая может быть создана с помощью других инструментов управления. Использование данных инструментов при отсутствии в сознании сотрудников внутренней ценностно-обусловленной мотивации может быть намного менее эффективным, чем в случае, если сопровождать применение этих инструментов целенаправленной работой по формированию ценностей, приоритетов, принципов.

В заключение перечислим наиболее часто используемые *инструменты целенаправленного формирования* необходимой организации корпоративной культуры: формализация миссии, видения и ценностей организации, распространение корпоративных «ходячих историй» [1, с. 421], «легенд и мифов» с их «героями» и «антигероями», создание и поддержание традиций и ритуалов, совместная разработка и внедрение правил и стандартов поведения и деятельности сотрудников. Корпоративный кодекс, который вручается каждому новому сотруднику, корпоративное радио, Интранет, корпоративная газета, фирменный стиль, одежда – все это и проявления, и факторы формирования корпоративной культуры.

Сильными инструментами может стать умелое *использование поводов* для формирования и поддержания корпоративной культуры, таких как: собеседование при приеме на работу, отбор претендентов с учетом их совместимости с корпоративной культурой, увольнение, корпоративное обучение, корпоративные праздники, трудности и проблемы, конкуренция.

Корпоративная культура как инструмент управления – это отражение общемировой тенденции включения «человеческого фактора в систему управления» [2, с. 43], стремление «опереться на развитие творческих способностей работников и их личностную самореализацию» [2, с. 43].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент: Учеб. 3-е изд. М.: Экономистъ, 2003.
2. Журавлев П. В., Кулапов М. Н., Сухарев С. М. Мировой опыт в управлении персоналом. Обзор зарубежных источников: Монография. М.: Изд-во Рос. экон. акад.; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
3. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
4. Кармин А. С. Культура социальных отношений. СПб.: Лань, 2000.
5. Мамина Р. И. Современный деловой этикет (философско-культурологический анализ) / Под ред. М. Н. Росенко. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2002.

Definite traits of modern social reality cause the need of new approaches to human resource management. Many researchers & practitioners admit that management via corporate culture is the most important approach nowadays. Some results of the philosophic research of corporate culture as an instrument of human resource management are presented in the article. The term «corporate culture» is defined, the way corporate culture functions & its structure are shown. The key role of values in forming & development of corporate culture is highlighted. The distinction between corporate culture & other instruments of human resource management is considered. The most widespread ways of corporate culture forming are enumerated.

Corporate culture, instrument of human resource management, values, norms, behavior, corporate culture as a system, elements of corporate culture, motivation, human factor

УДК 37.013

А. М. Склярова

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Рассматриваются основные концепции образования и воспитания в мировом пространстве. Особое внимание уделяется проникающим педагогическим технологиям, технологиям развивающего и опережающего обучения, концепциям индивидуализации обучения, педагогике сотрудничества, альтернативным технологиям обучения и воспитания, дистанционному обучению.

Образование, воспитание, технология обучения, педагогика сотрудничества, технологии свободного воспитания, принцип вариативности образования, гуманно-личностные технологии, проблемное обучение

Образование – это индустрия,
направленная в будущее.

С. П. Капица

В настоящее время Россия пытается влиться в мировое образовательное пространство. Происходит смена образовательной парадигмы: предлагаются иное содержание, иные подходы, иное право, иные отношения, иное поведение, иной педагогический менталитет.

Содержание образования обогащается новыми процессуальными умениями, развитием способностей оперированием информацией, творческим решением проблем науки и рыночной практики с акцентом на индивидуализацию образовательных программ.

В российском образовании провозглашен принцип вариативности, который дает возможность педагогическим коллективам учебных заведений выбирать и конструировать педагогический процесс по любой модели, включая авторские.

Если в традиционной модели воспитания и обучения личность формировалась как набор качеств в соответствии с идеалами общества, то на современном этапе воспитание понимается как целенаправленное создание условий для развития личности. Основные задачи современной модели образования и воспитания обеспечить: а) социально-психологическую мобильность личности; б) нравственно-мировоззренческую устойчивость личности.

Основной целью такого подхода является выявление творческого потенциала личности и ее социализация. Для решения этой задачи необходима индивидуализация целей воспитания, которая выражается в том, что разнообразие школ и педагогических технологий обеспечивает эту цель. При этом важна организация своего рода диалога различных педагогических систем и технологий, апробирование на практике новых форм – дополнительных и альтернативных государственной системе образования, использование в современных условиях целостных педагогических систем прошлого.

Педагогические технологии. Педагогическая технология исследует наиболее рациональные пути обучения и в качестве систем, способов, принципов и регуляторов, применяемых в обучении, и в качестве реального процесса обучения.

Критерии технологии: *концептуальность* (опора на научную концепцию); *системность* (логика процесса изложения, взаимосвязь всех частей, целостность); *управляемость* (диагностическое целеполагание, планирование, проектирование процесса обучения, варьирование средствами и методами с целью коррекции результатов); *эффективность* (по результату должна быть оптимальной, гарантировать достижение определенного стандарта обучения); *взаимопроизводимость* (подразумевает возможность применения в других однотипных образовательных учреждениях).

Научные основы педагогических технологий: школа не может жить вне политики, идеологии, вне общественного сознания. Несмотря на эклектизм, в современном российском образовании основой проникающих педагогических технологий являются: *гуманизм* (ценность человека, его право на свободу, счастье, развитие и проявление всех способностей. Благо человека считается критерием оценки социальных явлений, а принципы равенства, справедливости, человечности – желаемой нормой отношений); *теософия* является содержательным фундаментом школ религиозного направления; *антропософия* – исследование духовных ценностей, ответы на вопросы о смысле жизни, о целях человеческого бытия в мире; *педоцентризм* – направление в философии воспитания, которое исходит из приоритета интересов ребенка, видит основную задачу педагогики в создании условий для развития детей.

Наиболее известные и продуктивные педагогические технологии – это *теория содержательного обобщения В. В. Давыдова – Д. Б. Эльконина*. В ее основе лежит идея о ведущей роли *теоретического знания* в формировании интеллекта. Учебная деятельность ребенка представляется как теоретико-дедуктивная. Реализация ее достигается формированием у учащихся теоретического мышления путем специального построения учебного предмета через *содержательное обобщение*. В этой модели отрицается универсальное использование на начальных ступенях обучения принципа наглядности. Организация обучения, построенная по теоретическому типу, по мнению Давыдова и его последователей, наиболее благоприятна для умственного развития ребенка, поэтому такое обучение они назвали развивающим. К ней примыкает *теория поэтапного формирования умственных действий* (Л. С. Выготский, М. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина). В ее основе лежит идея о принципиальной общности внутренней и внешней деятельности человека. Согласно этой идеи, умственное развитие происходит путем интериоризации, т. е. поэтапным переходом материальной деятельности во внутренний умственный план. К проникающим педагогическим технологиям относятся *бихевиористские теории научения* (Э. Торндайк, Д. Уот-

сон, Б. Скиннер и др.). В них общая формула усвоения выглядит так: S (стимул) → R (реакция) → подкрепление. Стимул – это побудительная причина или ситуация (задача, вопрос и т. п.), подкрепление – сигнал о правильности выполнения действия (материальное или моральное стимулирование).

К проникающим педагогическим технологиям относят *суггестивские концепции обучения*. Это обучение на основе эмоционального внушения, приводящее к сверхзапоминанию. Оно предполагает комплексное использование всех вербальных и невербальных, внешних и внутренних средств суггестии (внушения). Реализация данной концепции предполагает создание особых психопедагогических условий обучения. Для преподавателя это означает: *высокий авторитет* (выдающиеся личные качества, сила убеждения); *инорантилизация* (обучаемый вверяет себя преподавателю); *двуплановость* при введении нового материала (каждое слово, несущее смысловую нагрузку, сопровождается соответствующей интонацией, жестом, мимикой – важен подтекст). Для обучаемого необходимы формирование веры в осуществимость задач обучения, постоянное положительное эмоциональное подкрепление, внушение мысли об огромных возможностях интеллекта обучаемых, демонстрация быстрого продвижения вперед в изучении дисциплины, «погружение» в учебную дисциплину, концентрированное изучение материала, каждый день только данная учебная дисциплина по 4–6 часов в течение 2–3 месяцев.

Принципиально важной стороной в педагогической технологии является позиция ребенка в образовательном процессе, отношении к ребенку со стороны взрослых. Здесь выделяется несколько типов технологий:

Авторитарные технологии, в которых педагог является единоличным субъектом учебно-воспитательного процесса.

Дидакто-центристские технологии – приоритет обучения над воспитанием, а самыми главными факторами формирования личности считаются дидактические средства. Эти технологии называют технократическими.

Личностно-ориентированные технологии ставят в центр школьного образования личность ребенка, обеспечение комфортных, бесконфликтных безопасных условий ее развития, реализации ее природных потенциалов.

Такие технологии характеризуются гуманистической и психотерапевтической направленностью и имеют целью разностороннее, свободное и творческое развитие ребенка. Среди проникающих технологий особое место занимает *педагогика сотрудничества*. В ней соединились лучшие традиции советской школы (Н. К. Крупская, С. Т. Шацкий, В. А. Сухомлинский, А. С. Макаренко), достижения русской (К. Д. Ушинский, Н. П. Пирогов, Л. Н. Толстой) и зарубежной (Ж.-Ж. Руссо, Я. Корчак, К. Роджерс, Э. Берн) психолого-педагогической практики и науки. Сотрудничество понимается как *партнерство* (содружество, соучастие, сопереживание, сотворчество, соуправление); гуманизм без принуждения, доверие, форма положительной «я-концепции» (я проявляюсь, я способен, я значу), способствует успеху.

Очень перспективной проникающей технологией является *проблемное обучение*. Девизом этой формы обучения могут служить слова Лу де Бройля: «Знания – дети удивления и любопытства». В современной педагогике под проблемным обучением понимается такая организация учебных занятий, которая предметом воспитания полагает создание под

руководством учителя проблемных ситуаций и активную самостоятельную деятельность учащихся по их разрешению, в результате чего и происходит творческое овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями и развитие мыслительных способностей. Поскольку сама логика научных знаний в генезисе представляет логику проблемных ситуаций, поэтому часть учебного материала содержит исторически правдоподобные коллизии из истории науки. В идеале оптимальной структурой материала является сочетание традиционного изложения с включением проблемных ситуаций.

Прекрасным дополнением к проблемному обучению и проникающим технологиям является методика *интенсификации обучения на основе схемных и знаковых моделей учебного материала* (В. Ф. Шаталов). Суть методики – эффект «соленого огурца»: огурец, погруженный в раствор, «хочет» он или нет, все равно просаливается. Информационная насыщенность приводит к всеобщему усвоению материала. Главной заслугой В. Ф. Шаталова является разработка системы учебной деятельности школьников, обеспечивающей достаточно полную и всеобщую активность на уроке. Основу стереотипа представляют опорные конспекты. Этапы работы включают: 1) изучение теории в классе: обычное объяснение у доски (с мелом, наглядностью, техническими средствами обучения); повторное объяснение по красочному плакату – опорному конспекту; краткое обозрение по плакату, индивидуальная работа учащихся над своими конспектами, фронтальное закрепление по блокам конспекта; 2) самостоятельная работа дома: опорный конспект плюс учебник, плюс помощь родителей; 3) контроль, оценка – применяется сочетание постоянного внешнего контроля с самоконтролем и самооценкой, поэтапный контроль каждого, посильность требований, открытие перспективы для исправления, гласность результатов, отсутствие двойки, снятие страха перед низкой оценкой. Возможность исправления любым учеником оценки на более высокую. В методике используется «мозговой штурм», поощрение подсказок, урок открытых мыслей, творческий конспект, скороговорки, приемы снятия напряжения (музыка, свет, паузы и т. п.).

Перспективной технологией среди проникающих является *опережающее обучение*. Автор С. Н. Лысенкова, народный учитель России, решила задачу одновременного обучения детей с разным уровнем развития без дополнительных занятий, без каких бы то ни было «выравниваний», без помощи родителей. Интересна в данной технологии перспективная подготовка, т. е. начало попутного прохождения трудной темы. Перспективная та, что будет позже основной. Тема дается на каждом уроке малыми дозами (5–7 минут) со всеми необходимыми логическими переходами. В обсуждение вовлекаются сначала сильные, затем средние и лишь затем слабые ученики. Таким образом, дети учат друг друга. Используется метод *комментируемого управления*, обеспечивающий обратную связь со всем классом. Ученик комментирует: «Думаю, говорю, записываю». И третий кит системы Лысенковой – это *опорные схемы* – выводы, которые рождаются на глазах учеников в процессе объяснения и оформляются в виде таблиц, карточек, наборного полотна, чертежа, рисунка.

Среди *концепций индивидуализации обучения* наиболее интересны проекты И. Унт, В. Д. Шадрикова и А. С. Границкого. И. Унт главный упор делает на самостоятельную работу учащихся в школе и дома (60–80 %). Используются рабочие тетради на печатной основе. У А. С. Границкого оригинальна нелинейная конструкция урока: часть I – обучение

всех; часть II – два параллельных процесса: самостоятельная работа учащихся и индивидуальная работа учителя с отдельными учениками. Использование обобщенных схем (Шаталов), работы в парах сменного состава, многоуровневые занятия с адаптацией. У В. Д. Шадрикова – учебный план, программы и методические пособия для шести уровней, которые позволяют вести обучение в зависимости от способностей каждого ученика. Выбор уровня сложности достаточно подвижен и делается не «навсегда», как в классах выравнивания. Шесть уровней сложности позволяет охватить практически всех детей, не выкидывая на улицу неуспевающих, организовать учебный процесс, посильный для всех, адаптированный к способностям ученика, к его развитию.

К данным концепциям примыкает *дистанционное обучение* для ребят с отклонениями, инвалидов, с задержкой психического развития. Программы составляются для Интернета по категориям обучающихся. Наиболее важными и оригинальными являются: массовая традиционная школьная технология, рассчитанная на усредненного ученика; технологии продвинутого уровня углубленного изучения предметов; технологии компенсирующего обучения (педагогической коррекции, поддержки, выравнивания и т. п.); различные виктимологические технологии (сурдо-, орто-, тифлолигофренопедагогика); технологии работы с отклоняющимися (трудными и одаренными) детьми.

В связи с дифференциацией общества важны *альтернативные технологии*. Это те, которые противостоят традиционной системе обучения. Альтернативная система – это прежде всего свободное воспитание. Она провозглашает в качестве основной идеи воспитания – обеспечить ребенку независимый свободный выбор поступка и деятельности.

Хотелось бы остановиться на наиболее интересных альтернативных школах. Это прежде всего *вальдорфская педагогика*, созданная на основе идей Р. Штейнера. В основе ее лежит идея самопознания и саморазвития индивидуальности при партнерстве с учителем. Воспитание и обучение приспособляются к ребенку, а не он к ним. Приоритет отдается психическому развитию, а не интеллектуальному – используются творческие работы, диалог, занятия по желанию по неделям, дням и т. п. Например, на этой неделе занимаются английским языком, на следующей – математикой и т. п.

В России создан и действует центр «вальдорфской» педагогики. Московская свободная школа (руководитель А. Н. Пинский) работает без обычного директора, администраторов. Всеми делами распоряжается коллегия из учителей, детей и родителей. Работа делится на классную и внеклассную. Эти виды очень тесно переплетаются. После главного урока обязательно музыка, живопись, рукоделие, английский и немецкий языки (с первого класса одновременно), а также специфические для вальдорфской школы – эвритмия (искусство выразительных движений) и изображение форм – рисование сложных узоров, графика.

Школа Френе (школа свободного труда). Принципы этой педагогики: «Любовь, Дружба, Счастье», построение занятий таким образом, чтобы дети были мотивированы на деятельность, умение слушать друг друга, обучение свободно говорить – дети сидят свободно, предлагается рассказать, что видели по дороге в школу. Рассказ записывается, обсуждаются ошибки, дается параллельное задание – создать песню, написать сценарий на этот сюжет, протанцевать и т. п. В таких школах проблема грамотности решается более успешно; свобода поведения и манера держаться порождают грамматическую свободу.

Школа Йена (план-школа). Большинство начальных классов в странах Западной Европы работают по этому проекту. Четыре принципа данной школы: труд, беседа, праздник, игра. Особенности: существование недельного плана (дети составляют сами), оценок нет, организация учебного производства (мастерские), рабочие уголки. Коллективизм управления. Работа вместе плюс участие родителей. Учителя пишут письма родителям, что было успешно, что нет, и таким образом корректируется работа ребенка в сторону эффективности и гармонизации.

Школа «Путешествующее деревце» – познают все на месте: скажем, для изучения истории Китая едут в Китай. Школа для обеспеченных, будущих дипломатов, космополитов, секретарей ООН.

В России очень интересная школа, созданная по альтернативным технологиям, организована замечательным педагогом-энтузиастом А. А. Католиковым в г. Сыктывкаре. Хотелось бы рассказать о ней как о примере проникающих технологий. Это агрошкола, в ее основе лежит принцип коммуны (по типу А. С. Макаренко). В школе-интернате воспитывается 300 детей от 2 до 18 лет. Материальная база агрошколы состоит из городской и пригородной частей, включающих кроме учебных и спальных корпусов, медицинский блок с плавательным бассейном, стрелковый тир; пригородная круглогодичная база отдыха и труда представляет учебно-опытное хозяйство: дети здесь приучаются к созидательному труду, проходят производственную практику по программам агрошколы. Территория учебно-опытного хозяйства 30 га, из них 2,6 га занимают цветники и опытные участки с теплицами; пахотных земель около 100 га, столько же лугов, лесное хозяйство (около 700 га). Детский городок включает учебные и спальные помещения, два клуба, баню с сауной, просторную столовую, гаражи, вело- и мотоклассы, ангары для техники (18 тракторов), станцию ГСМ, водонапорные башни, теплицы, животноводческие помещения (15 коров, 15 телят, около 100 поросят, 50 овец, 4 лошади, птицеферма, кроликоферма и др.). *Концептуальная основа* педагогики: формирование «аппетита к жизни»; труд – основа формирования личности; милосердие к детям (все наши и мы все за них в ответе); соединение обучения с производственным трудом; чередование умственного и физического труда; детское самоуправление и самоконтроль; возрождение духовного начала (не полюбив Бога, нельзя полюбить человека).

Дети ухаживают за заповедником (санитарная рубка леса), разведение рыб в реке, высаживание саженцев кедра), сами себя кормят, продают овощи, получают зарплату с 4-го класса, которая состоит из двух частей: карманные расходы плюс личные лицевые счета (накопления). В школе существует свой «банк», создана целая система экономического стимулирования учебной деятельности и воспитательной работы. Школьный «банк» не только учитывает заработанные деньги, но и анализирует участие каждого ученика в трудных делах. Духовное воспитание представлено: беседы на религиозные темы, чтение христианской литературы, школьный музей, кружки, секции, студии.

Старшеклассники осваивают профессии промышленного и сельскохозяйственного труда (овощевод, цветовод, механизатор, животновод). Позиция педагога: жить вместе с детьми, радуясь и радуя всем, чем одаривает детей каждый день, жить успехами в труде,

общением, красками природы, творчеством, познанием. Позиция ребенка: самореализация с ответственностью, зависимость в коллективе товарищей.

Государственная система образования в Западной Европе и Америке предполагает свободный выбор предметов в старшей школе для подготовки к тестированию в вузах. Аттестация осуществляется как защита проектов – демонстрация навыков работы с информацией. Физическое развитие сочетается с умственным. Технологии, которые используются при этом: ребенка пытаются мотивировать на исследовательскую деятельность, ролевые и деловые игры, защита минiproектов в конце курса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Педагогические мастерские: интеграция отечественного и зарубежного опыта. СПб.: СПбГУПМ, 1995.
2. Педагогические мастерские: теории и практика. СПб.: Новое образование, 1998.
3. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. М.: Народное образование, 1998.

A. M. Sklyarova

MODERN PEDAGOGICAL CONCEPTIONS OF EDUCATION AND UPBRINGING

The main conceptions of education and upbringing in the world's space are considered. Special attention is given to penetrative methodological technologies, the technology of developing and outstripping education, conceptions of individualization of education, the pedagogies of cooperation, alternative technologies of education and upbringing, distance education.

Education, upbringing, technologies of the education the pedagogies of the cooperation, principle of variation of education, human-personal technologies, problematic education

УДК 001.1+1

В. В. Калинина

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ С. Н. БУЛГАКОВА

Выдающийся русский философ С. Н. Булгаков в книге «Философия хозяйства» предлагает свое оригинальное философское осмысление науки. Наука понимается им как аспект хозяйственной деятельности человека, направленной на утверждение и победу жизни над смертью. Истинность научного знания обусловлена наличием Божественной мудрости – Софии.

Философия науки, философия хозяйства, научное знание, София

Булгаков С. Н. является выдающимся представителем русской философии начала XX века. Круг интересовавших его вопросов весьма широк. Автор настоящей статьи остановится на проблемах философии науки, которые С. Н. Булгаков затрагивает в различных своих работах, в частности, в знаменитом труде «Философия хозяйства» (1912).

Различные аспекты философии науки С. Н. Булгакова рассматриваются такими авторами, как С. С. Хоружий, И. В. Зиновьев, Б. В. Емельянов, В. П. Котенко и др.¹

Целью данной статьи является анализ ряда основных положений философии науки С. Н. Булгакова.

Характеризуя современное ему научное знание, С. Булгаков дает различные определения науки, в том числе следующее: «Наука есть общественный трудовой процесс, направленный к производству идеальных ценностей – знаний, по разным причинам нужных или полезных для человека» [1, с. 183]. Сделаем это определение рабочим.

Анализ науки С. Н. Булгаков начинает с выявления ее онтологического статуса: определения понятия «наука», выявления смысла ее бытия, ее сущности. Наука у С. Н. Булгакова является частью мирового хозяйства. В рамках этого понимания наука рассматривается как деятельность, как процесс интеллектуального производства и более широко – как способ человеческого существования. «...Хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм» [1, с. 85]. Одной из форм такой борьбы является наука. «Хозяйство, по существу, включает в себя человеческий труд во всех его применениях...» [1, с. 86]. Булгаков утверждает, что в действительности знания не существуют в чистом виде как теоретические, они существуют в кон-

¹См.: Хоружий С. С. София–Космос–Материя: устои философской мысли отца Сергия Булгакова // Вопр. филос. 1989. № 12; Зиновьев И. В. Философия хозяйства С. Н. Булгакова: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 1995; Емельянов Б. В. Очерки русской философии начала XX века. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992; Философия науки и техники в русской философской мысли: Учеб. пособие / Под науч. и общ. ред. В. П. Котенко. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 1999.

кретном единстве действия как один из его моментов, следовательно, входят в трудовой процесс жизни, в хозяйство.

В своем основании наука как процесс направлена на производство идеальных ценностей, нужных и полезных для человечества. В этом смысле она правильно и преемственно изучает и открывает факты. Но такой подход лишь первое приближение к понятию науки. Ее реальная функция – быть «ответом на вопрос жизни, предшествующий науке» [2, с. 140]. Причем вопросы жизни наука формулирует для себя удобным и технически целесообразным способом. Уже в этом кроется возможность отхода науки от реальности, построение наукой своего собственного «космоса», следовательно, наука не может претендовать на адекватное отражение реальной жизни. Поэтому науку нужно проверять со стороны логической правильности, последовательности, стройности ее заключений, а также со стороны ее практичности, полезности.

Можно сказать, что гносеология Булгакова является логическим продолжением его онтологии. С проблемой сущности науки и выяснением вопроса о ее логической правильности связано решение вопроса об истинности научного знания, о самой возможности существования истины. Практическая деятельность человека, основанная на использовании техники, реально показывает, что «наука не воздвигает мира фантазмодорий, но известным образом соотносительна реальности» [2, с. 149]. В какой же степени научные знания адекватны реальности?

Специфика решения онтологических и гносеологических вопросов у С. Булгакова во многом обусловлена его религиозно-философской концепцией, его религиозными убеждениями. Закономерности, которые устанавливает наука, имеют прагматическое и схематическое значение применительно к текущему отрезку времени. «В “законах природы” нет ничего, что бы делало их единственно возможными, они существуют, потому что существуют, силою факта, доколе не отменены или не изменены Божиим всемогуществом» [3, с. 181–182].

Допуская тезис о существовании Бога, Булгаков не может помыслить никакую истину, в том числе научную, вне контекста Софии – премудрости Божией. Истина, с его точки зрения, не является непосредственным предметом теоретического знания. Наука как истинное знание «возможна благодаря организующей силе Софии» [2, с. 146].

«Есть Логос мира, и по силе его есть и логика вещей, и логика наук, и логика действий: все находится во всепроникающей связи. Ибо мир в своей положительной основе есть не Хаос, но София» [1, с. 191]. Наука софийна – такой ответ дает Булгаков скептическому прагматизму и догматическому позитивизму. Наука «чужда Истине, ибо она – дитя этого мира, который находится в состоянии неистинности, но она – и дитя Софии, организующей силы, ведущей этот мир к Истине, а потому и на ней лежит печать истинности. Истины в процессе, в становлении. Как платоновский Эрос, сын Пороса и Пении, богатства и нищеты, она принадлежит обоим мирам» [1, с. 192]. Рассудочная деятельность не может выступать в роли творца идей, а только использует уже родившиеся идеи. В действительности, творческие идеи появляются из недр досознательного тождества, Софии. «Корни науки – в Софии, в идеальном тождестве и самосознании мира, в идеальном его организме» [1, с. 210]. Научное творчество аналогично вдохновению художника и творится сверхнаучным путем.

Цель науки – максимально точное описание мира, который открывается сверхнаучному, софийному сознанию. Но и это описание будет представлять мир как некое механическое единство, т. е. отражать реальный мир искаженным образом. Для Булгакова – это предел научного знания, который наука может достичь в своем развитии. Естествознание расчленяет природу. «Целое природы в его непосредственности улечивается бесследно, природа умирает в естествознании» [2, с. 74]. Вычленяя объект из реальной жизни и выявляя в нем закономерности, наука складывает полученные результаты воедино и тем самым умерщвляет мир. Наделение механического мировоззрения науки онтологическим статусом есть величайшее заблуждение «научной философии».

Истинное знание возможно только через единение субъекта и объекта в процессе научной деятельности. Субъект и объект науки, соответственно, человек и окружающий его мир, занимают центральное место в философии науки Булгакова. Являясь представителем неклассического этапа развития науки, философ отстаивает один из его основных постулатов – включенность субъекта в процесс познания. «Всякий акт знания есть... частичное отождествление субъекта и объекта, раскрытое и почувствованное их единство, как ответ на вопрос есть единство вопроса и ответа. Только на этом тождестве субъекта и объекта... принципиально и может быть обосновано и знание, и хозяйство. И в этом смысле звездное небо я нахожу в себе, иначе я не видел бы его над собою. Всякое знание есть в этом смысле самосознание» [1, с. 210]. Положение, занимаемое субъектом по отношению к объекту в процессе научного познания, во многом обуславливает прагматизм науки, ее хозяйственную природу. «Субъект хозяйственно внедряется в объект, приближая его к себе, выходя в него из себя, ассимилируя его себе, делая его для себя прозрачным и проницаемым. Но для того, чтобы мог совершиться такой акт завоевания субъектом объекта, победы жизни, в отдельном ли акте или в целом хозяйственно-историческом процессе, надо, чтобы ранее объект противостоял во всей своей отчужденности, непроницаемости, объектности» [1, с. 198].

Рассуждая о субъекте, Булгаков приходит к выводу, что индивидуальная жизнь ограничена и восприятие одного человека фрагментарно. Между субъектом и объектом непременно возникает разрыв – смерть. Поэтому он вводит понятие трансцендентального субъекта – человечества. Теория познания, ориентируясь на факт хозяйства, должна показать транссубъективность знания. Трансцендентальный субъект, Мировая Душа, в своем развитии имеет точку опоры для своей активности. Этой точкой является наука. Знание не механистично, а органично. Человечество познает окружающий его мир, сливаясь с ним в процессе познания. Подлинное осознание науки и хозяйства в целом возможно лишь на почве цельного философского мировоззрения трансцендентального субъекта.

Говоря о структуре науки, Булгаков уделяет внимание классификации наук. Он критикует классификации О. Конта и Г. Спенсера как несоответствующие современным ему реалиям. Эти ученые надеялись хотя бы отчасти преодолеть раздробленность научного знания классификацией наук, располагающей их по лестнице восхождения от простого к сложному и таким образом интегрирующей их в ряд. Их классификации построены, по мнению Булгакова, на наивной вере в единое научное мировоззрение, в научный синтез. Науки более простые по объекту изображаются как бы посылками для более сложных наук, так что вся наука представляется связной цепью силлогизмов. Хотя в основу классификации наук Конта положено

правильное наблюдение, что данные одной науки могут быть использованы в другой. В качестве убедительного примера истинности своих суждений Булгаков приводит математику. Математика как метод, как совокупность выработанных и упрощенных формул, приложима всюду. По мнению Булгакова, никоим образом нельзя признать правильною мысль, что степень приложимости математики вообще определяет, так сказать, градус научности, так что возможно построить априорную схему наук на принципе их отношения к математике.

Более актуальной, с точки зрения С. Н. Булгакова, выглядит классификация Канта. Единая Истина чужда дискурсивному знанию, она для него трансцендентна, а потому составляет, выражаясь по-кантовски, только «идеал» знания. Действительно, в развитии науки, по мнению Булгакова, существует некоторая связность, взаимная зависимость и даже обусловленность, но в ней нет той естественной иерархичности, которая давала бы возможность подвести все науки под ясную, последовательно развиваемую схему или классификацию. Напротив, с тех пор, как наука «стала на свои ноги» и осознала свои силы, она развивается и притом с чрезвычайной энергией в направлении, диаметрально противоположном единству, именно в сторону специализации. Тенденция дифференциации научного знания, по мнению Булгакова, продолжает усиливаться.

Науки объединяются между собой, как считает Булгаков, не содержанием (что возможно только в ограниченных размерах и лишь в определенных случаях), но формальной своей стороной, своим методизмом, формально-логическими приемами образования понятий. Поэтому попытки «научной философии», или философии, ориентированной на науку, идут по пути панметодизма, методического единства наук; ими уже не ставится идеал всеобщего синтеза научных учений. «...Науки объединяются в единстве своего (трансцендентального) субъекта – человека как универсального человечества, и своего субстрата – единой всепроникающей и всесозидающей Жизни... Это жизненное, не логическое, но сверхлогическое единство наук в самом наукотворце и в материнском лоне жизни преодолевает их взаимную непроницаемость и раздробленность» [1, с. 178]. О единстве науки можно говорить не в смысле единства знания, а в смысле единства деятельности.

Значительная часть наук обслуживает хозяйственные нужды и имеет хозяйственно-технологический характер, непосредственно контактируя с хозяйством. Но существуют и другие интересы практического характера, не имеющие технической ориентации. Речь идет о различных разделах гуманитарных знаний – истории, филологии, философии, искусстве. Таким образом, состав наук отражает потребности человека, творящего науки в соответствии со своими надобностями, как практически-хозяйственного, так и идеального характера. Невозможно лишь появление науки, которая не отвечала бы никаким потребностям человека и которая поэтому была бы никому не интересна и не нужна. Жизнь в постоянно меняющемся мире выступает как деятельность, требует своего теоретического объяснения, науки. «Наука есть атрибут человека, его орудие, которое он создает для тех или иных задач. Чтобы понять науку, надо обратиться к пониманию человека. Не наука объясняет в себе человека, но человек объясняет собой науку. Философия науки есть отдел философской антропологии» [2, с. 142].

Наука и философия, являясь различными областями человеческой культуры, у философа Булгакова тесно переплетаются. Он объясняет свое понимание науки через сходство

и различие с философией. С точки зрения Булгакова, философия и наука являются саморефлексией жизни. Они обе порождены потребностью нашего разума в систематизации понятий. У этих отраслей культуры один объект – жизнь во всей ее саморефлексии. Помимо этого, существует определенная зависимость между этими отраслями культуры, так, например, наука нуждается в философском осмыслении. Поэтому возникает наука о науке – философское наукословие (Коген, Гуссерль).

Различие между философией и наукой заключается не в их объекте, а в методе, «...в способе подхода к объекту, в их проблемах. Они различаются и в том, что они видят в своем объекте, и в том, что о нем спрашивают» [1, с. 75]. И философия, и наука познают истину, но различным образом. «Абсолютное, конечно, едино, многоликим открывается оно для подходящих к нему разными путями» [1, с. 74]. Характерная черта науки – фрагментарность. Булгаков этот термин не использует, он говорит, что наука специальна, что по сути одно и то же. «Наука всегда специальна, такова ее природа. Научное изучение есть изолирующее, сознательно одностороннее подхождение к предмету. Наука вырезает для себя куски действительности и изучает их так, как будто бы это и была вся действительность. Наука дробит жизнь, разлагая действительность на отдельные части, из которых она затем складывает свой механизм, а схему этого механизма в системе понятий она и дает в своих учениях. Сопредельное или выходящее за пределы данной науки для нее или вовсе безразлично, или же существует лишь постольку, поскольку врывается в ее специальное исследование» [1, с. 75]. В отличие от науки философия стремится показать мир в его единстве. Различные науки, по мнению Булгакова, в силу своей специализации не могут претендовать на адекватное отражение жизни. «Каждая наука создает свой собственный космос... Поэтому картины мира... будут различны» [2, с. 132]. А ведь мир един, и жизнь при всей своей многогранности целостна. Для философии такого противоречия не существует, фрагментарность и специализация ей не характерны. Философия «мало склонна к детализации, которая так отличает науку. Она интересуется тем, что науку менее всего занимает, – связью данных явлений с общим и целым, тем местом в жизни, которое занимает данный ее уголок. Она рассматривает мир и отдельные его стороны как целое, в свете строения этого целого. Можно, пожалуй, выразиться и так, что философия ищет уразумения жизненного смысла и значения явлений, в отдельности изучаемых наукой. Потому сопредельное и запредельное для науки, то, что она молчаливо предполагает как свои предпосылки, – это и составляет как раз круг проблем философии» [1, с. 76].

Понятия философии шире по объему, более отвлечены от реальности, чем научные. «Метафизика отвечает на вопросы более важные, нежели наука, и ее ответы шире» [4, с. 422]. Философские категории призваны разрешать более обширные проблемы, нежели научные. Из вышеизложенного Булгаков делает вывод: «Нам кажется правильнее не отождествлять, но противопоставлять философию и науку как два разных направления нашего мышления и познания» [1, с. 76].

Говоря об отличии науки от других форм познания мира, С. Булгаков затрагивает вопрос о функциях науки. Основная – познавательная. Научное познание – вид деятельности человека, позволяющий ему теоретически и практически ориентироваться в мире. Практические нужды общества обуславливают возникновение и стимулируют развитие науки.

Наука призвана удовлетворять нужды общества. Эта причина генезиса науки позволяет выявить еще одну ее функцию – преобразовательную. Наука – часть хозяйственного процесса, его фактор. А в целом «содержание хозяйственного процесса можно... выразить... как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодолении необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как очеловечение природы» [1, с. 85]. Научная деятельность, в свою очередь, сливается с общим хозяйственным процессом и порождает жизнь и прогресс. Наука – порождение жизни, а цель жизни – победить смерть. «Наука есть орудие оживления мира, победы и самоутверждения жизни. Ее положительный итог тот, что мир косный, мертвый, непроницаемый все более теряет эти черты и уступает надвигающейся жизни» [1, с. 192].

Раскрываемый наукой механизм природы, познание ее закономерностей, открывает возможность для организующей, хозяйственной деятельности. Человек, с точки зрения Булгакова, преобразует, каждый момент времени воссоздает мир, сотворенный Богом. Поддерживать в мире жизнь и вести непрестанную борьбу со смертью – главная задача человеческой деятельности, в том числе и научной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков С. Н. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993.
2. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
3. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
4. С. Н. Булгаков: pro et contra. Т. 1 / Сост. И. И. Евлампиев. СПб.: РХГИ, 2003.

V. V. Kalinina

THE BASIC THESES OF S. N. BULGAKOV'S PHILOSOPHY OF SCIENCE

The outstanding Russian philosopher S. N. Bulgakov offers the original philosophical judgment of science in the book «Philosophy of Economy». Science is understood as an aspect of human economic activity, which is directed towards the confirmation of a life victory over death. The truth of scientific knowledge is caused by the presence of Divine wisdom – it is Sofia.

Philosophy of science, philosophy of economy, scientific knowledge, Sofia

УДК 001+14

Л. В. Колганова

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ СВЯЗИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Представляет собой попытку типологизировать информационно-коммуникативные связи, проявляющиеся в различных компонентах современной научной реальности.

Научная реальность, информационно-коммуникативные связи в научной реальности

Реальность, согласно диалектической традиции философствования, понимается обычно в двух смыслах: 1) «объективная реальность, т. е. материя в совокупности различных ее видов <...>; 2) все существующее, т. е. материальный мир и все его идеальные продукты» [1, с. 572]. Для научного исследования характерно различение таких форм ее бытия, как

природная реальность и социальная реальность, в русле которой принято выделять научную реальность, техническую реальность, экономическую, политическую и др.

При изучении науки и форм ее бытия философы имеют дело с различными компонентами научной реальности: научной системой знаний, языком науки, методами и средствами познания, наукой как специфической формой человеческой деятельности, субъектами научной деятельности, отношениями, складывающимися в процессе этой деятельности, наукой как социальным институтом, научными и научно-техническими революциями и пр. [2, с. 6–14].

Развиваясь вместе с обществом, оказывая на него существенное влияние, наука выступает одним из показателей уровня цивилизационного процесса, достигнутого социумом, носит конкретно-исторический характер. В философии науки существуют различные критерии выделения эпистемологических эпох:

– исторический, в русле которого рассматриваются такие периоды развития научной реальности, как протонаучный, архаический, античный, средневековый, новоевропейский, новейший, современный;

– типологический: классическая наука, неклассическая, неонеклассическая, постнеонеклассическая;

– генетический: стадия языковых каркасов, поиск интерпретаций, оформление концептуальных пространств знаний, уровень теоретизации, трансляция знаний в культуру;

– структурный: лингвистический, логический, референционный, рефлексивный типы.

Каждая из эпистемологических эпох характеризуется «определенным запасом накопленного знания; определенным уровнем развития орудий и средств научного исследования; определенным контингентом научных работников; определенным способом организации научного труда» [3, с. 16].

Согласно методологии системного подхода является очевидным, что все вышперечисленные «составляющие» существуют в определенной взаимосвязи друг с другом, выражая суть и специфические черты конкретного периода, эпистемологической эпохи в истории науки.

В наш век – время бурного развития науки и вторжения ее во все сферы человеческой деятельности изучение этих «составляющих», а также различных факторов развития науки, к каковым следует отнести и исследования в области «профессионального общения ученых – научной коммуникации» [4, с. 5], приобретает особое значение. Все большее количество ученых осознают то, что одной из решающих характеристик науки является ее коммуникативная природа¹, так как познавательный акт реализуется в контексте коммуникационного действия; «познавательный акт обусловлен контекстом общения, где каждый участник коммуникации взаимоориентирован на общение, каждый акт коммуникации нагружен интенциональными смыслами, установкой на другое равноправное сознание» [5, с. 10].

Какова же роль информационно-коммуникативных связей в современной научной реальности?

Исследователи онтологических проблем информатики и информационной реальности выделяют три группы концепций, раскрывающих место и роль информации в общей

---

¹ См.: Огурцов А. П. Наука: власть и коммуникация (социально-философские аспекты)// *Вопр. филос.* 1990. № 11. С. 3–17; Shepard H. A. *Basic Research and the Social System of Pure Science.* 1956. Vol. 23. P. 48–57; Ziman J. *Public Knowledge.* London: Cambridge University Press, 1968.

системе природы и картине мира: атрибутивные, функционально-кибернетические и социоориентированные («антропоцентрические»)¹.

Атрибутивные концепции рассматривают информацию как атрибут материи, всеобщее существенное ее свойство. Согласно функционально-кибернетическим концепциям информация рассматривается как «функциональное свойство, особая форма функциональной связи, отношения, присущие кибернетическим самоуправляемым системам: биологическим, социальным и искусственным (техническим)» [2, с. 116]. Социоориентированные («антропоцентрические») концепции делают акцент на специфике коммуникативных, отражательных и управленческих процессов в обществе, рассматривают информацию как знание и фактор коммуникаций, управления и социальной памяти [2, с. 116].

Согласно функционально-кибернетическим и социоориентированным концепциям информационно-коммуникативные процессы в научной реальности выражают специфические взаимосвязи компонентов научной реальности.

Современный этап развития науки относят к постнеонеклассическому этапу. Постнеонеклассическая научная реальность характеризуется включением человека и условий познания в контекст научного исследования, что влечет за собой понимание зависимости результатов исследования и понимания объектов исследования от средств исследования, ситуационности знания.

Важным «инструментом» познания для постнеонеклассической науки стала вычислительная техника, способствующая информатизации и компьютеризации науки, которая позволяет моделировать сложные системы и их изменение в различных условиях. Сложные, системные объекты современных исследований сделали очевидной необходимость решать многие научные задачи путем комплексного использования знаний различных научных дисциплин, учитывая место и роль человека в исследуемых системах.

Таким образом, для постнеонеклассической науки характерно выдвижение на первый план коммуникативной функции науки, в особенности информационной коммуникации, которая становится одним из основных условий реализации принципа междисциплинарности современной науки. Современная техника позволяет фиксировать и передавать большие объемы информации, становится условием интенсификации информационно-коммуникативных потоков, что влечет за собой развитие междисциплинарных исследований, позволяет формировать научно-исследовательские коллективы исследователей, имеющих специализацию в различных областях знания.

Иными словами, постоянно возрастающая значимость информационно-коммуникативных процессов свидетельствует об увеличении роли информационно-коммуникативных связей в современной научной реальности.

Типологию информационно-коммуникативных связей можно представить по различным основаниям: в зависимости от уровня научного познания – теоретический и эм-

---

¹ См.: Ахлибинский Б. В. Информация и система. Л.: Лениздат, 1969; Гришкин И. И. Понятие информации. М.: Наука, 1973; Новик И. Б., Абдуллаев А. Ш. Введение в информационный мир. М.: Наука, 1991; Семнюк Э. П. Информационный подход к познанию действительности. Киев: Наук. думка, 1988; Соколов С. А. Введение в теорию социальной коммуникации. Учеб. пособие. С.-Петербург, 1996; Урсул А. Д. Природа информации: Филос. очерк. М.: Политиздат, 1968; и др.

пирический, по субъектам и объектам науки, по отдельным научным дисциплинам и междисциплинарно, в зависимости от исторического этапа существования науки и т. д.

В зависимости от исторического этапа развития науки выделяются информационно-коммуникативные связи донаучного и протонаучного периодов, классической, неклассической, неонеклассической и постнеонеклассической (современной) науки.

На теоретическом уровне информационно-коммуникативные связи обуславливают систематизацию научного знания, когда результаты теоретического и эмпирического познания, гипотезы и накопленный предшественниками запас научного знания оформляются в развитые концепции и теории.

Информационно-коммуникативные связи в научной реальности на любом уровне познания могут быть вертикальными и горизонтальными. Горизонтальные информационно-коммуникативные связи позволяют выстраивать логическую систему аспектов в рамках как частнонаучного, общенаучного, так и философского уровней науки. Вертикальные информационно-коммуникативные связи обуславливают обмен информацией между различными уровнями науки, обеспечивают формирование общей системы методологии научного познания. В результате вертикального взаимодействия всех трех уровней происходит обогащение каждого из них. Таким образом, вертикальные и горизонтальные информационно-коммуникативные связи обуславливают междисциплинарное взаимодействие в науке.

Вертикальные и горизонтальные информационно-коммуникативные связи реализуются на различных формах коммуникативной организации науки. Среди них следует выделять:

- 1 – непосредственный контакт и общение с коллегами;
- 2 – общение в малой группе;
- 3 – сеть опосредованных коммуникаций (цитирование, социтирование);
- 4 – сеть формальной коммуникации (отношение к организации исследований, подготовке научных кадров);
- 5 – междисциплинарную сеть формальной коммуникации.

Согласно вышеизложенному, информационно-коммуникативные взаимосвязи в рамках отдельной дисциплины обуславливают формирование системы ее методов и объектов. Кроме того, научное исследование одного и того же объекта может осуществляться в рамках и методологическим инструментарием различных дисциплин, что способствует обогащению частнонаучной картины мира (например, биологической, физической, географической картины мира и др.).

Синтезом информации о различных объектах исследования, системе их взаимосвязей, полученной в результате теоретического и эмпирического познания в рамках отдельных научных дисциплин, является формирование целостной научной картины мира, адекватной историческому этапу развития науки и общества.

Таким образом, важность существования информационно-коммуникативных взаимосвязей в современной научной реальности, когда стремительно возрастает роль междисциплинарности в науке, становится очевидной. В связи с этим, обоснован научный интерес к рассмотрению данной проблематики. В рамках настоящей статьи автором были рассмотрены лишь некоторые аспекты существующих информационно-коммуникативных связей и отношений в современной научной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл. 1983.
2. Философские проблемы научной и технической реальности: Учеб. пособие / Под ред. В. П. Котенко. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ» 1999.
3. Котенко В. П. История философии науки: Учеб. пособие / СПбГЭТУ. СПб., 1993.
4. Коммуникация в современной науке: Сб. пер. (с англ.) / Сост., общ. ред. и вступит. ст. Э. М. Мирского и В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976.
5. Огурцов А. П. Наука: власть и коммуникация (социально-философские аспекты)// Вопр. филос. 1990. № 11. С. 10.

L. V. Kolganova

INFORMATIONAL-COMMUNICATIVE RELATIONS IN MODERN SCIENTIFIC REALITY

An effort to typologize informational-communicative relations, exhibited in different components of modern scientific reality, is represented.

Scientific reality, informational-communicative relations

УДК 1:00

А. А. Луговой, О. А. Луговая

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ ФИЗИКИ В 20–30-х гг. XX в.

Рассматриваются внешние факторы, повлиявшие на становление отечественной философии физики. В частности, выясняются особенности воздействия социальных изменений на научную сферу.

Классическая и неклассическая наука, интернализм, экстернализм

В истории науки принято выделять три методологических вектора анализа оснований [1] науки – это интернализм, экстернализм и диалектическое направление. Представители первого направления считают, что развитие науки определяется исключительно внутренне присущими ей закономерностями. Представители второго направления определяющую роль в развитии науки отдают внешним факторам – социокультурным. Что касается диалектического направления, то его представители признают как внутренние закономерности развития науки, так и влияние внешних факторов. Это скорее связано с этапами развития науки: классическим и неклассическим. «Классические основания науки исключали социальную обусловленность знания. Неклассические идеалы науки не подвергают сомнению важную роль социокультурных факторов в познании. Общие социальные условия воздействуют на выбор проблемы исследования, наиболее эффективного метода исследования, могут стимулировать или тормозить исследования какой-либо проблемной области. Социокультурные ценности входят в научно-исследовательский процесс важнейшим мотивирующим фактором. Следует, однако, учитывать, что их влияние является не прямым, оно опосредовано определенными методологическими стандартами» [1, с. 38].

В настоящей статье авторами исследуются философские проблемы физики 20–30-х гг., и поэтому можно говорить о том, что история науки внутренне связана с историей общества, ее культурой. Интерес к физике объясняется тем, что физика «...на про-

тяжении всей новой и новейшей истории была лидером научного прогресса. Ее концепции и методы служили образцами для других наук, т. е. она была как бы парадигмой естественно-научного познания в целом» [2, с. 27].

Сложность рассмотрения исторического аспекта связана с эмоционально-личностным отношением к недавнему прошлому России, а также неясностью предмета и метода, недостаточной разработанностью источниковой базы. «Что касается метода, то ... он должен включать способ обратной ретроспекции в целях наиболее возможно адекватной реконструкции духовного интерьера эпохи, не перенося механически представления более поздних периодов на более ранние» [3, с. 7]. Тем не менее рассмотрим, насколько это возможно, интересующий нас период (20–30-е гг.).

Октябрь 1917 г. считается началом нового периода в истории России. Революция 1917 г., закончившаяся приходом к власти большевиков во главе с Лениным, Гражданская война (1918–1920) подвергли страну сильнейшим нагрузкам и привели к кардинальным изменениям векторов общественного развития.

Несмотря на эйфорию от побед в Октябре и Гражданской войне, вызвавшей массовые иллюзии простоты решения общественных проблем, все силы нового правительства направлены на удержание власти и стабилизацию внутреннего положения в стране, а также – международное признание.

На международной конференции в Генуе (апрель–май 1922 г.), в которой впервые приняла участие Советская Россия, ее представителям было предложено принять на себя все долги царского и Временного правительства. Советская делегация отказалась от уплаты долгов, сделав тонкий дипломатический ход: советские и германские представители, встретившись 16 апреля в Рапалло, курортном городке близ Генуи, договорились о взаимном отказе от любых материальных претензий. После этого все претензии прочих государств к Советской России лишались смысла. Затем на международной конференции в Гааге (июнь–июль 1922 г.) советская делегация, уже чувствовавшая себя значительно увереннее, требовала выплатить Советской России компенсацию за ущерб, понесенный ею в годы Гражданской войны, в ходе которой западные державы фактически поддерживали белогвардейцев. Это вызвало споры, и конференция завершилась безрезультатно. Следует отметить, что такая линия поведения укладывалась в общее направление внешней политики СССР в те годы. Советские представители принимали участие в работе международных конференций и совещаний, но при этом сохраняли за собой «особую позицию», в основе которой лежало то, что советское руководство старалось не слишком связывать себя какими-либо обязательствами в отношениях с прочими странами, согласно «советской» терминологии, являвшимся враждебным «капиталистическим окружением». Тем не менее ни СССР, ни другие страны («капиталистическое окружение») игнорировать существование друг друга не могли. К середине 20-х гг. Советское государство установило дипломатические отношения почти со всеми ведущими государствами. К концу 20-х гг. экономические и финансовые связи СССР со странами Запада были сведены к минимуму. Таким образом, СССР не только оказался вне мирового экономического кризиса, но и совершил резкий экономический скачок, сделавший страну одной из ведущих индустриальных держав мира.

Режим, установившийся в СССР, позволял властям не приравниваться к экономическим процессам, как было принято во всем мире, а самим конструировать их и управлять ими. «Экономика носила вторичный характер, она в первую очередь реализовывала цели идеологические, а хозяйственное развитие в целом было подчинено ... политическому курсу» [4, с. 35].

В середине 20-х гг. началась стремительная модернизация промышленности – индустриализация. Она осуществлялась по воле государства, без учета законов и традиций предпринимательства, но дала высокие результаты. Государство ставило задачи, корректировало их в случае необходимости и само давало оценку полученных результатов. Следует отметить, что такой подход в хозяйственном строе СССР, с одной стороны, позволял эксплуатировать гигантский рынок рабочей силы, выплачивая очень низкую зарплату, с другой стороны, формировал такую черту, как ударничество. «Ударничество... можно определить как типичный образ мыслей и действий человека в СССР, в особенности в 20–40-х годах, выражавшийся в добровольном обременении себя обязанностями, не входившими непосредственно в круг его профессиональных задач» [5, с. 15]. Справедливости ради заметим, что советская хозяйственная система действительно всегда носила мобилизационный, экстремальный характер, но это определялось не только необходимостью решения глобальных исторических задач, стоящих перед советским государством, а также и ментально детерминировано сезонностью работ еще в российском традиционном хозяйстве.

Промышленные показатели были главными для большевиков, так как они позволяли формировать мощный военный потенциал. От идеи мировой революции, популярной на рубеже 10–20-х гг., большевистское руководство в принципе отказалось. Но оно по-прежнему ориентировалось на силовой вариант решения конфликтов, и именно ради этого осуществлялись все преобразования. Большие средства вкладывались даже не в тяжелую промышленность в целом, а в те ее отрасли, которые прямо или косвенно были связаны с оснащением армии. Поэтому успехи в этих областях были исключительными, а качество продукции (танков, самолетов, артиллерии и пр.) приближалось к уровню лучших мировых образцов, а порой и превосходило их.

И конечно, научная интеллигенция была призвана работать во имя успешного претворения в жизнь планов индустриализации и коллективизации. Хотя коллективизация, проведенная в сжатые сроки в конце 20-х гг. тоже силовыми методами, не имела эффективности в сельском хозяйстве, как индустриализация в промышленности. Более того, в деревнях начался голод, а объем и качество продукции обобщественных хозяйств практически не превышали показателей, существовавших до начала коллективизации, и были значительно ниже дореволюционного уровня.

В целом, 20-е гг. в экономике и политике Советской России (затем СССР) были временем реализации первоначальных планов воплощения идеала революции – общества социальной справедливости. Смена эволюционного пути развития на революционный потребовала радикальных перемен во всех сферах жизни. Изменение направленности общественного развития носило «...ярко выраженный субъективный характер: целенаправленность требовала руководства со стороны правящей партии и государства. Задача – при-

близить массы к усвоению политики большевистской партии и материалистической (в крайней форме – атеистической) идеологии марксизма...» [6, с. 12].

Был создан партийный аппарат, дублирующий государственный на каждом уровне и контролирующей население страны практически во всех областях деятельности. Возможность специального контроля над интеллектуальной жизнью возросла в скором времени после революции путем уничтожения всех политических партий, кроме большевистской, позднее переименованной в Коммунистическую партию Советского Союза.

Правительство испытывало поддержку или терпимость со стороны большинства рабочих, меньшинства крестьян и небольшой группы убежденных марксистских активистов. Существование этой поддержки усилило свободу действий партийных лидеров и позволило им направлять ход интеллектуальной жизни. Хотя часть интеллигенции была против подобной политики партии и открыто высказывала неприятие, критику ряда идей революции, ее теоретического обоснования, а также методов осуществления. Но «...считалось, что если кто-то высказал взгляды, расходящиеся с политикой Советской власти, тем более – придерживался иного мировоззрения, то уже выступал как контрреволюционер, к которому немедленно нужно было применять репрессивные меры, дабы “обезопасить” себя и революционные преобразования» [7, с. 14].

И в 1922 г. из страны была выслана часть творческой и научной интеллигенции (161 человек). Мысль о высылке за границу некоторых «буржуазных» теоретиков содержится в статье В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» (март 1922 г.). «Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной “демократии”. Там подобным крепостникам самое настоящее место» [7, с. 37].

Среди тех, кто был выслан из страны, была и группа философов: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин, С. Л. Франк и др. Конечно, это не могло не повлиять и на развитие философии в стране, и на развитие духовной культуры России.

Хотя в целом первая половина 20-х гг. характеризуется как период относительной свободы в области духовной жизни. До тех пор пока ученые и деятели искусств избегали политической деятельности против партии, они могли не бояться властей или вмешательства идеологов. Исключение составляли те, чье прошлое или прошлая политическая активность были признаны преступными.

Надо заметить, что непосредственно в послереволюционные годы почти никто не думал, что партийный контроль над интеллигенцией перейдет из области политических действий на самую научную теорию. Равно как и на протяжении большей части 20-х гг. политический и экономический контроль над жизнью общества со стороны партии и правительства был довольно слабым, по крайней мере, по сравнению с тем, что произошло позднее.

Уже в конце 20-х – начале 30-х гг. стала возрастать тенденция определять ту или иную науку как «буржуазную» и «идеалистическую». Приписывание политического характера самому основанию науки лишь усиливало идеологический контроль в области естествознания. В журнале «Под знаменем марксизма» (1926) В. П. Егоршин пишет, что «современное есте-

ствознание так же классово, как и философия и искусство... Оно буржуазно в своих теоретических основаниях» [8, с. 135]. Далее, в 1930 г., в редакционной статье журнала «Естествознание и марксизм» встречаем следующее: «Философия, естественные и математические науки так же партийны, как и науки экономические или исторические» [9, с. 68]. Не все естествоиспытатели и философы соглашались с тем тезисом, что естественные науки несут в себе политические элементы. Более того, те ученые, которые полагали, что теоретическое естествознание не может быть полностью отделено от философских вопросов, признавали, что попытка разделения этих вопросов средствами политики приведет к пагубным последствиям.

Таким образом, относительная свобода творческой мысли, нашедшая в середине 20-х гг. свое выражение в многообразии теоретических концепций и активных дискуссиях между отдельными философами-марксистами и научными группами, к началу 30-х гг. сменилась столь же активными процессами подавления любых попыток самостоятельного теоретического мышления, не укладывающихся в рамки марксистской парадигмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котенко В. П. Основания науки: Монография. СПб.: Кольна, 2000.
2. Ахлибининский Б. В, Иванов А. Ф. Концепции современного естествознания. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2004.
3. Мильников А. С. Феномен советской культуры как предмет изучения: пять советов будущим исследователям//Сов. культура в контексте истории XX века / БГТУ. СПб., 2000.
4. Агафонова В.В. Ценности труда в советской хозяйственной культуре//Сов. культура в контексте истории XX века / БГТУ. СПб., 2000.
5. Китаев П. М. Ударничество как социокультурный и правовой феномен отечественной истории советского периода//Сов. культура в контексте истории XX века / БГТУ. СПб., 2000.
6. Лопушанский И. Н. Радикальный пафос советской культуры в 20-х годах// Сов. культура в контексте истории XX века / БГТУ. СПб., 2000.
7. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П. В. Алексеев. М.: Политиздат, 1990.
8. Егоршин В. П. Естествознание и классовая борьба//Под знаменем марксизма. 1926. № 6.
9. Фролов И. Т. Генетика и диалектика. М.: Наука, 1968.

A. A. Lugovoy, O. A. Lugovaya

SOCIAL AND CULTURAL PREREQUISITES OF PHYSICS PHILOSOPHY DEVELOPMENT IN 20–30S OF THE XX CENTURY

External factors, which had influenced formation of domestic philosophy of physics are considered. In particular, the peculiarities of the effect on social changing of the scientific sphere are elucidated.

Classic and non-classic science, internalism, externalism

ПОСТМОДЕРНИЗМ И НЕОБХОДИМОСТЬ ДИАЛОГА МЕЖДУ «ДВУМЯ КУЛЬТУРАМИ»

Рассказывается об актуализации проблемы двух культур. Благодаря современной критике стали очевидны затруднения постмодернизма в понимании роли естественных и гуманитарных наук. Подчеркивается необходимость междисциплинарного диалога для разрешения затруднений.

«Две культуры», гуманитарные науки, естественные науки, постмодернизм, диалог

Лекция «Две культуры» была прочитана более сорока лет назад на исходе 50-х годов. Конечно, то время было особенным – первые полеты в космос, растущие успехи техники и наук создали атмосферу удивительного оптимизма и веры в прогресс. К тому времени мир восстановился после самой разрушительной из войн и каждому, пережившему ее, хотелось надеяться на лучшее.

Сноу говорит о негативных тенденциях, являющихся порождением новых времен: «Духовный мир западной интеллигенции все явственнее поляризуется, все явственнее раскалывается на две противоположные части» [1, с. 19]. Эти «две культуры» – можно точнее определить по образованию, т. е. гуманитарные специалисты против естественно-научных и технических специалистов (или проще, в отечественном варианте, лирики против физиков). У этих двух направлений свои представления о жизни, «сегодня наши надежды повисли, к сожалению, в воздухе, потому что люди, принадлежащие к двум культурам, утратили способность общаться друг с другом» [1, с. 30]. А так как на повестке дня тогда находились глобальные цели – «всемирная научно-техническая революция», «преодоление разрыва между богатыми и бедными странами», «равный доступ к образованию», то преодоление антагонизмов в среде интеллектуалов казалось необходимым условием для решения масштабных задач.

«Уничтожить пропасть между двумя культурами одинаково необходимо и во имя отвлекенной идеи нашего интеллектуального оздоровления, и для решения самых насущных практических задач. Пока эта пропасть существует, общество не в состоянии мыслить здраво» [1, с. 57]. Сноу не дает однозначного рецепта как это сделать, и отмечает, что даже реформа образования не является полным решением проблемы. С позиции статей Сноу, про сегодняшний день можно сказать, что проблема «двух культур» до сих пор не решена, а достижение глобального процветания кажется такой же великой и трудной проблемой. Для этого необходим какой-то другой путь. Предположительно, он лежит в сфере междисциплинарного диалога.

Американский профессор физики Ален Сокал (Alan Sokal) опубликовал в 1996 г. в американском культурологическом журнале «Социальный текст» («Social Text») статью «Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации» («Transgressing the Boundaries: Toward a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity»), задуманную им как пародию на модные философские и культурологические рассуждения. Статья, по признанию Сокала, была напичкана «бессмысленными, но, к сожалению, дос-

товерными цитатами о физике и математике известных французских и американских интеллектуалов» [2, с. 10]. Никто, однако, не заметил в ней ничего особенного, пока сам автор не разоблачил свой розыгрыш. Эта история стала широко известна под названием «Сокалов розыгрыш» («Sokal's hoax»).

Примечательно, что «дискуссии, вызванные розыгрышем Сокала, затронули предельно широкий круг более или менее связанных вопросов, затрагивающих не только концептуальный статус научного знания или оценку достижений французского постструктурализма, но и социальное значение науки и технологии, мультикультурализм и “политкорректность”, левые академические круги против правых академических кругов, левые культурологи против левых экономистов» [2, с. 13]. Таким образом, вызвав немалый шум, статья Сокала не была забыта, а послужила основой для книги «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна», которая была написана в соавторстве с бельгийским профессором физики Жаном Брикмоном.

Сразу нужно отметить, что основной целью своей книги авторы не видели критики вообще всей философии или всех гуманитарных наук. Цель этой книги авторы обозначили, как изучение еще недостаточно известной особенности современной философии постмодернизма, а именно склонности к злоупотреблению физико-математическими понятиями и терминами. Под злоупотреблениями постмодернистов понимаются такие вещи, как: свободное рассуждение о научных теориях и использование научных терминов, не задумываясь о том, что они означают, перенесение понятий из точных наук в гуманитарные науки без какого бы то ни было эмпирического или концептуального обоснования, стремление поразить читателя ложной эрудированностью, излагая ученые слова в таком контексте, в котором они не имеют никакого смысла, а также построение из научных терминов фраз, лишенных смысла.

Печальным примером подобных злоупотреблений являются труды одного из наиболее известных и наиболее влиятельных психоаналитиков XX в. Жака Лакана. В работах 50–70-х годов Лакан проявляет интерес к топологии, т. е. математической науке, которая занимается свойствами поверхностей, остающимися неизменными при их деформации без разрыва. Впоследствии его изыскания смещаются в сторону теории узлов. В дискуссии 1966 г. Лакан связывает такие топологические объекты, как тор, бутылка Кляйна, поверхность cross-cup (на самом деле поверхность называется cross-cap и является другим типом поверхности) со структурами душевных заболеваний. Это заявление никак не проясняется. Однако утверждается, что тор является точной структурой невротика. При этом Лакан подчеркивает, что «это не аналогия» [2, с. 28–33]. Впрочем, у Лакана встречаются, мягко говоря, и куда более странные сравнения, например, отождествление эректильного органа с корнем из минус единицы [2, с. 34–35]. После таких «сильных» утверждений связывание математической логики с лингвистикой и с психоанализом выглядит даже невинно, «но с математической точки зрения его изложение не носит ни педагогического, ни оригинального характера, а связь с психоанализом не подкреплена никаким обоснованием» [2, с. 38]. Впечатляет также коллекция выбранных ученых имен и научных терминов из различных работ Лакана: объединение (в математической логике), теорема Стокса, Бурбаки, кварк, Коперник и Кеплер, инерция, закон группы, математическая формализация, гравитация, теория объединенного поля [2, с. 40].

Подобное использование ученых слов совершенно законно может вызвать протест профессиональных физиков и математиков. Невольно вспоминается пример, приводимый Ч. П. Сноу, о поэтах, использующих в стихах научные термины, ошибочно понимаемые ими. «Одно время в поэзии вошло в моду слово “рефракция”, получившее совершенно фантастический смысл. Потом появилось выражение “поляризованный свет”; из контекста, в котором оно употребляется, можно понять, что писатели считают, будто это какой-то особенно красивый свет» [1, с. 10].

В данном случае все кажется более печальным, так как у поэтов или писателей-фантастов может быть, своего рода, «поэтическая лицензия», которая дает им право на фантазию. Было бы нелепо упрекать автора фантастического романа за упоминание «машины времени», «бластеров» или «гиперскачков в пространстве». Собственно поэтому такие романы и называются фантастическими. Может ли философский текст обладать такой же индульгенцией? Если мы ответим «да», то, как нам быть с их научным статусом? Очевидно, что мы должны выбирать – или «поэтическая лицензия», или научный статус, одно исключает другое. Лакан так же всерьез говорит о психоанализе, как другие авторы постмодернисты о философии, семиотике или истории науки. Их произведения изучаются на семинарах в специальных исследованиях и диссертациях. Из этого можно заключить – они претендуют на научный статус.

Можно было бы попытаться оправдать странности произведений постмодернистов использованием значительного количества метафор и аналогий. Однако «роль метафоры, как правило, – прояснить малопонятное понятие, связывая его с более понятным понятием. Но не наоборот» [2, с. 23]. Таким образом, правильность использования сложной специальной терминологии в философии сомнительна. Рассуждение по аналогии, по мнению Сокала и Брикмона, может оказаться плодотворным для развития теорий. Но в случае проведения аналогии между хорошо обоснованной и неопределенно (т. е. неэмпирически) обоснованной теориями, аналогия послужит сокрытию слабости более неопределенной теории.

По мнению Сокала и Брикмона, попытки отклонить их критику ссылками на маргинальный характер цитирования несостоятельны, так как за «некоторыми неточностями» или ошибками кроется презрение постмодернистов к фактам и логике. А ссылки на ограниченность профанов, которым не могут быть доступны «глубокие истины» постмодернизма, не работают, так как любая современная наука может быть понята любым непрофессионалом благодаря соответствующей ей популярной литературе, а разъяснений в отношении, например, непонятных положений Лакана не существует.

Некоторое затруднение может быть вызвано тем, что сами авторы, критикуемые в «Интеллектуальных уловках», не считают себя постмодернистами. Кто-то из них говорит о ситуации постмодерна, кто-то о своей принадлежности к постструктурализму. Тем не менее, многие произведения этих авторов характеризуются общими особенностями, например, такими, как: невнятный язык, предполагаемое неприятие рационального мышления, употребление науки как метафоры.

В то же время сам термин «постмодернизм» можно определить как культурный феномен. Как отмечают Сокал и Брикмон, «термин “постмодернизм” охватывает целый мир, правда плохо определенный, идей – от искусства и архитектуры до гуманитарных наук и

философии» [2, с. 151]. Таким образом, постмодернизм является одним из современных движений, представляющим гуманитарную культуру во всех ее выражениях.

Постмодернизм признает междисциплинарность, однако, как видно из примеров, приведенных ранее, он далек от стандартов корректности по отношению к точным наукам. Необходимы условия для диалога, которые могут удовлетворить каждую из «двух культур» и дать ей преимущества от контакта с другим видом познания.

Таким образом, основной призыв Сноу к взаимодействию наук все еще актуален. И, пожалуй, со временем стала даже еще острее необходимость в диалоге между культурами, поскольку только диалог между представителями разных культур может способствовать решению глобальных проблем, которые, повторюсь, на данный момент не решены. Для этого тоже нужен пересмотр нелепых позиций, порожденных современными теориями в духе радикального постмодернизма.

Поразительный пример такого ослепления дается в рассказе индийского биолога Меера Нанды. У одного индийского министра были политические неприятности. Ему дали совет: для того чтобы покончить с ними, следует входить в свой кабинет через дверь, ориентированную на восток (в соответствии с ведийскими верованиями, увеличивая этим количество «позитивной энергии»). Но этот вход был заблокирован трущобами, через которые не могла проехать его машина. Тогда он приказал снести их.

«Я рассказал эту историю моим друзьям в США – сторонникам социального конструктивизма. [...] Мне ответили, что уравнивать в правах разные описания пространства, каждое из которых связано с определенной культурой, – это само по себе прогрессивное действие, поскольку ни одно из них не сможет в таком случае претендовать на абсолютную истину, и традиция, таким образом, потеряет власть над умами людей, которой она пользуется» [2, с. 94].

Слабость такой позиции – в ее неадекватности. Можно легко, руководствуясь абстракциями, рекомендовать другим полагаться на суеверия, но в то же время для себя стремиться использовать, например, передовые достижения «западной» медицинской науки.

Сокал и Брикмон выделяют несколько необходимых условий, которые могли бы способствовать установлению настоящего эффективного диалога между науками. Эти условия разумны, хотя, как может показаться, и несколько банальны. Но нельзя не признать, что, судя по приведенным в книге примерам, некоторые теоретики постмодернизма не считают своим долгом их признавать. Вот они:

- 1) знать, о чем говоришь;
- 2) все то, что непонятно, не всегда глубоко;
- 3) наука не «текст» (т. е. не набор метафор);
- 4) не имитировать точные науки;
- 5) не использовать аргумент авторитета;
- 6) не смешивать скептицизм научный и радикальный;
- 7) не формулировать провокационных тезисов.

Эти условия задают рамки эффективного междисциплинарного диалога. Но в то же время, по мнению автора настоящей статьи, не следует забывать захватить с собой чувство юмора и не бояться!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сноу Чарльз Перси. Две культуры. М.: Прогресс, 1973.
2. Сокал Алэн, Брикмон Жан. Интеллектуальные уловки. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.

A. A. Petrov

POSTMODERNISM AND THE NECESSITY OF DIALOG BETWEEN «TWO CULTURES»

The article tells about actualization of two cultures problem. Difficulties of postmodernism in understanding of the role of natural sciences and humanities became evident due to modern criticism. The necessity of interdisciplinary dialog for the solution of these difficulties is underlined.

«Two cultures», Humanities, natural sciences, postmodernism, dialog

УДК 001.4

Е. В. Чепкасова

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Рассматриваются основные подходы к языку современной науки, прогнозы на его будущее.

Язык науки, современная наука, позитивизм, герменевтика, унификация языков науки

Со времени своего появления (еще в античные времена), и особенно начиная с XVII века, наука и научный язык имели привилегированное положение как главная форма и способ фиксации освоения действительности. Это обстоятельство достигло своего пика в XIX веке в рамках позитивистской школы. Но и сейчас, в постнеоклассическую эпоху развития науки, ситуация остается прежней. Науке удалось сохранить свой престиж в современном мире, несмотря на огромное влияние таких представителей философии науки, как Фуко, Витгенштейн, Лиотар, Фейерабенд, Хабермас, Тоффлер. Эти философы показали, что наука уже более не является единственной и самой лучшей, точной универсальной формой постижения мира, а язык науки — не единственный способ фиксации этого постижения.

На разных этапах развития науки язык науки представлял собой не одно и то же. С течением времени он становился все более искусственным и непонятным для значительного количества людей. Возникает странная ситуация, которая характерна не только для современности (была подмечена еще Энгельсом), хотя сегодня она выражена острее. Энгельс писал, что естественные науки развиваются столь бурно, что стиль научного мышления и существующий для его фиксации языковой аппарат, остающиеся метафизическими, отстают от уровня развития научного познания. В этой связи наука все более нуждается в диалектическом мышлении, выраженном в соответствующем языке. Этот факт можно подтвердить тем, что, например, в физике в начале XX века стало ясно: образ мира, созданный классической механикой, не вписывается в изложение на языке формул Лоренца, Пуанкаре, специальной теории относительности. Мир не стал другим, но изменился язык его описания. Появились новые образы атома, электрона, электромагнитного поля и другие, которые создали новый образ мира, а значит, требуется новый способ его фиксации и описания.

Состояние современного языка науки трактуется неоднозначно. В современной литературе можно встретить несколько точек зрения на этот вопрос.

• *Рационализация.* Первая точка зрения рассматривает эволюцию языка в направлении все большей рационализации, идеализации, теоретизации языка. Такой подход берет начало в работах позитивиста О. Конта и сохраняет свое значение по сей день.

В науке, как ранее, так и сейчас, постоянно возникает необходимость пересмотра фундаментальных постулатов и адаптации их под быстро меняющиеся запросы социального порядка. Согласно данной точке зрения, основным источником эволюции языка науки являются постоянно возникающие противоречия между языком и содержанием научной мысли. Именно в моменты углубления этих противоречий возникают новые языки. Язык науки меняется и перестраивается как более подходящее, адекватное средство для научного познания.

Но преобладание в западноевропейской философии такой точки зрения, особенно в последние столетия, приводит к тому, что рамки науки автоматически сужаются. Языком науки в этом случае можно описать только опытно-достоверное и логически аргументированное знание. Критика данной позиции привела к новому взгляду на язык науки, который критикует крайности рационализма и существенно расширяет рамки языка науки.

• *Гуманизация – герменевтика.* Вторая точка зрения говорит о все большей гуманизации языка науки. «Сегодняшняя наука "пропитывается" духом герменевтики, экзистенции. "Смягчение", гуманизация языка науки обусловлена так называемой третьей волной цивилизации, эволюционной концепцией природы» [1, с. 65]. Источником этой точки зрения является герменевтическая теория, согласно которой язык является главным способом человеческого бытия в мире. Его представители Гадамер и Хайдеггер указывают на укорененность человеческого бытия в мире языка.

Развитие науки представляет собой своего рода раскодирование, дешифровку некоего всемирного языка. Мир как бы «намагничен» смыслами и устами человека проговаривает свое имя. Но то, каким образом проводится научное исследование и получаются научные результаты, далеко не совпадает с тем, в каком виде эти результаты представлены. Отсюда возникает главное противоречие в научных знаниях, а именно научное мышление по своей сущности и природе нелинейно, а фиксация научных результатов происходит в форме текста, организованного линейно. Текст по своей структуре заставляет в любой информации выделять генеральную линию, т. е. проблему, вокруг которой комбинируются все остальные вопросы. Научный текст несет в себе все недостатки и ограничения линейного текста. Попытку выскочить из линейного пространства текста предпринял Ж. Деррида, разработавший операцию деконструкции.

Поэтому в современном языке науки «происходит переход от линейного текста (традиционной формы изложения научного знания) к многомерному, объемному, разнонаправленному по форме организации» [1, с. 128]. Благодаря такому изменению появляется возможность выражения и изложения научной мысли, представляемой не только как законченный результат, но и как процесс. В таком гипертексте мысль получает возможность «бродить», «скакать», перемещаться в любом направлении. Он в полной мере позволяет запечатлеть процесс разворачивания научной мысли. «Гипертекст становится новым языковым средством выражения научной мысли и как процесса, и как результата» [1, с. 129].

Этот интерес к нелинейному тексту связан с развитием в последние десятилетия неклассических логик, в которых учитывается фактор темпоральности. К логикам, которые позволили бы описать, например, «противоречие», относится паранепротиворечивая логика (параконсистентная). Название дал перуанский философ Ф. Миро-Квисади. Российский ученый Н. А. Васильев создал так называемую воображаемую логику, в которой в отличие от логики Аристотеля не действует закон противоречия.

Таким образом, возникает язык новой рациональности, главными особенностями которого являются полисемантическая и метафоричность. Он предполагает существование широкого диапазона интерпретаций, обеспечивающего мобильность современной науки.

• *Унификация языка науки.* Согласно последней точке зрения, главной тенденцией развития современного научного познания является взаимодействие и взаимовлияние социально-гуманитарных, естественных, технических наук. В этих условиях роль языка науки становится исключительной. Для того чтобы сделать возможным научный дискурс, чтобы фиксировать результаты междисциплинарных исследований, требуется выполнение новой задачи, а именно унификация языковых средств научных дисциплин, укрепление взаимосвязи и эффективности взаимодействия трех основных групп наук. Но из-за специализированности научного знания в языке науки преобладает процесс дифференциации. Это ведет к количественному росту новых терминов и замкнутых терминосистем. Поэтому возникает потребность в выработке основных понятий, общих для разных научных дисциплин, определяемых и обозначаемых однообразно, т. е. требуется унификация языка.

Российские ученые В. В. Ким и В. Н. Блажевич определяют причины этого необходимого, и с их точки зрения неизбежного, процесса. Во-первых, без унификации языковых средств научных дисциплин и выработки общего языка затруднена коммуникация между учеными. Во-вторых, общий, унифицированный язык выступает как средство объективации результатов данных взаимосвязей, фиксации результатов совместных исследований. В-третьих, унифицированные языковые средства позволяют определить место каждой научной дисциплины, оценить взаимный вклад и относительную роль отдельных дисциплин при решении комплексных научных проблем.

Указанные причины доказывают необходимость унификации категориально-понятийного аппарата языка. Этот процесс возможен благодаря системе философских категорий, что позволит привести в соответствие современный уровень разработки теории материального единства мира с понятийно-терминологическим аппаратом специальных наук. Важную роль в появлении этого унифицированного языка играют общенаучные понятия, которые способствуют взаимопониманию между представителями различных дисциплин. Появление общенаучных понятий возможно на основе вычленения инвариантов в понятиях, существенных для большинства дисциплин. Они сочетают в себе отдельные свойства как понятий частных наук, так и философских категорий. Источниками формирования могут быть отдельные частные науки, философия, процессы математизации и формализации частных наук. Примером таких унифицированных понятий выступают, например, понятия «модель», «функция». Кроме того, процесс унификации проходит при активном участии математики (алгоритм, симметрия) [2].

Есть еще более радикальная точка зрения на состояние современного языка науки и его будущего. «Едва ли можно говорить о "языке науки XXI века": его не будет, его уже

не существует как доминирующей языковой практики, отражающей тотальные социальные амбиции... Правомерно вести речь о различных "языковых практиках", "языковых моделях", "языковых правилах", область компетенции которых ограничена запросами и текущими задачами по конструированию конкретных контекстов... Конечно, научное знание и обслуживающий его научный язык не умрут и не разрушатся окончательно, но займут более скромное положение в системе социальных приоритетов...» [1, с. 10].

Таковы основные точки зрения на состояние современного языка науки и его будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Язык науки XXI века: материалы научной конференции / Башкирский ун-т. Уфа, 1998.
2. Ким В. В., Блажевич В. Н. Язык науки: философско-методологические аспекты. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998.

E. V. Cherkasova

MODERN SCIENCE LANGUAGE

The main approaches to the language of modern science, predictions concerning its future are considered.

Science language, modern science, positivism, герменевтика, unification of science languages

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Рассматриваются проблемы выявления эмоционально-оценочного компонента в структуре значения слова. Анализируются возможные оппозиции, образуемые эмоционально-оценочными лексическими единицами.

Эмоционально-оценочный компонент, семема, денотативный, коннотативный, лексическая единица

Эмоционально-оценочный компонент значения является результатом глубокого взаимопроникновения эмоции как психического процесса переживания отношения субъекта к окружающему миру и оценки как результата этого отношения [1]. Эмоционально-оценочный компонент может отражать различные типы оценок, вытекающих из нарушения или соблюдения каких-либо норм: нормативную (нарушение любой нормы: правильный ↔ неправильный), психологическую (нарушение норм психологического состояния человека: приятный ↔ неприятный), интеллектуально-логическую (нарушение норм логики, разума: разумный ↔ неразумный), морально-этическую (нарушение норм этики, морали: честный ↔ нечестный), правовую (нарушение норм права: законный ↔ незаконный), при этом все типы оценок, как правило, реализуются с участием эмоций [2].

Эмоционально-оценочный компонент не имеет постоянного статуса в лексическом значении слова и может являться элементом как денотативной, так и коннотативной семемы [3].

Выявление эмоционально-оценочного компонента в денотативной первой семеме (D1), отражающей экстралингвистическую реалию непосредственно и являющейся первичным значением данной лексемы, осуществляется при ее противопоставлении нейтральной или полярной единице: Widersacher – недруг, Feind – враг, Gegner – противник, Freund – друг.

Выявление эмоционально-оценочного компонента в денотативной второй семеме (D2), отражающей некоторую сущность посредством сопоставления ее с денотативной первой семемой, возможно при образовании оппозиции, состоящей из D1 и D2: rotes Kleid – красное платье, das Rote Banner – красное (революционное) знамя.

Наличие эмоционально-оценочного компонента в коннотативной первой семеме (K1), отражающей некоторую сущность через образ денотативной первой семемы, определяется при образовании оппозиции D1 и K1 одной и той же лексемы: Marionette – марионетка о кукле (D1) и о человеке (K1).

При наличии эмоционально-оценочного компонента в коннотативной второй семеме (K2), отличающейся от коннотативной первой семемы отсутствием мотивировочной связи с денотативной первой семемой данной лексемы, необходимо проанализировать ее контекстуальное употребление: Ente – утка о водоплавающей птице (D1) и Zeitungsentе – га-

зетная утка о ложной сенсационной информации (K2); blind – слепой: blinder Mann – слепой человек (D1), blinder Zufall – слепой случай (перен.), blinde Wut – слепая ярость (D2) и blind – ложный, фальшивый: blinder Alarm – ложная тревога (K2).

Эмоционально-оценочные компоненты, содержащиеся в значении слов разных категориальных типов, различаются по своему семантическому содержанию и могут быть выявлены на основе синтагматической сочетаемости лексических единиц.

Семантическим содержанием эмоционально-оценочного компонента в значении существительных является отражение эмоциональной оценки лица (Schuft – подлец; Scharlatan – шарлатан), события (Gewaltakt – расправа, акт насилия; Tumult – переполох), явления (Zerrüttung – разруха; Koruption – коррупция; Tyranie – тирания) или факта реальной действительности (Schmach, Schande – позор; Unfug – бесчинство, безобразия; Durcheinander, Wirrwarr – неразбериха).

Большую группу представляют эмоционально-оценочные существительные, являющиеся производными от эмоционально-оценочных глаголов. Подобные существительные могут как сохранять глагольное значение (Anstachelung – подстрекательство; Missbrauch – злоупотребление; Ausplauderung – разглашение; Verfaulen – загнивание), так и развивать предметно-номинативное значение (Lauferei – беготня; Verschwörung – заговор; Rederei, Geplauder – болтовня; Verleumdung – клевета; Eile, Hast – спешка).

Помимо общей оценки лица (Unglücksrabe, Pechvogel – неудачник; Tölpel, Stiesel – остолоп; Schlafskopf – оболтус; Dummkopf – дурак), эмоционально-оценочный компонент может отражать и более конкретные оценки на основании разных признаков:

1) оценка лица по морально-этическим признакам (Bösewicht, Missetäter – злодей; Gauner – жулик; Betrüger – обманщик; Startkopf, Dickkopf – самодур);

2) оценка лица по физическим свойствам (Scheusal, Ungetüm – урод; Kraftmensch – силач; Knirps – коротышка);

3) оценка лица по действию (Ruhestörer, Radaubruder – дебошир; Spitzel, Provokateur – провокатор; Übeltäter – злоумышленник, Schurke – мошенник; Flenner, Greiner – нытик).

Семантическим содержанием эмоционально-оценочного компонента в значении прилагательных и наречий является отражение эмоциональной оценки субъектом речи характеристик и признаков реалий окружающего мира. Эмоционально-оценочные прилагательные неоднородны по структуре и семантике, так как они могут либо сохранять эмоционально-оценочный компонент, присущий производящей основе (rauben – грабить → räuberisch – грабительский; Gauner, Spitzbube, Schurke – мошенник → gaunerhaft, spitzbübisch, schurkisch – мошеннический), либо развивать его самостоятельно (plump – неуклюжий).

Семантическое содержание эмоционально-оценочного компонента в значении глаголов составляет отражение эмоциональной оценки субъектом речи цели (ruinieren – угробить; plündern – обобрать; verleumden – оклеветать; schmälern – ущемить), способа (profotieren – нажиться; erzwingen, abnötigen – вынудить; vergeuden, verschwenden – транжирить; faulenzeln – лодырничать; mißbrauchen – злоупотреблять; heucheln – лицемерить), объекта (fabrizieren, zusammenbrauen – фабриковать; brandmarken – клеймить) и субъекта (liebedienern, katzbuckeln, scharwenzeln – угодничать; prassen – разгуляться) действия.

Эмоционально-оценочные лексические единицы способны образовывать оппозиции с другими лексическими единицами, принадлежащими к разным функциональным стилям и сферам употребления:

1) единице с отрицательным эмоционально-оценочным компонентом соответствует нейтральная языковая единица: *die Zeit vergeuden* – убивать время, терять время зря ↔ *die Zeit verlieren* – терять время; *das Geld verschwenden* – транжирить деньги ↔ *das Geld ausgeben* – тратить деньги; *starren* – пялиться ↔ *schauen* – смотреть; *Eindringling* – захватчик ↔ *Eroberer* – завоеватель; *Geschäftemacher* – воротила, делец ↔ *Geschäftsmann* – деловой человек, бизнесмен; *Schreiberling* – писака ↔ *Schriftsteller* – писатель;

2) единице с отрицательным эмоционально-оценочным компонентом соответствуют несколько нейтральных единиц: *Bande, Rotte* – банда ↔ *Gruppe* – группа, *Gemeinschaft* – сообщество; *Anführer, Häuptling, Obermacher* – главарь ↔ *Haupt, Oberhaupt* – глава, *Führer* – вождь, *Leiter* – руководитель, *Chef* – шеф; *Spießgeselle* – приспешник, *Kriecher, Schmeichler* – прислужник, *Mithelfer, Helfershelfer* – пособник ↔ *Helfer, Gehilfe* – помощник;

3) единице с отрицательным эмоционально-оценочным компонентом соответствует нейтральное словосочетание: *prahlen* – похваляться ↔ *stolz sein* – гордиться; *Leisetreter* – тихоня ↔ *bescheidener Mensch* – скромный человек; *Klugscheißer, Klugschnacker* – умник ↔ *kluger Mensch* – умный человек; *Trödel* – пожитки, *Plunder* – барахло ↔ *alte, schlechte Sachen* – старые вещи; *Schwindel* – афера ↔ *unsauberes Geschäft* – грязная сделка; *gackern, schnattern* – гоготать ↔ *laut lachen* – громко смеяться;

4) ряду единиц с тождественным отрицательным эмоционально-оценочным компонентом соответствует одна нейтральная единица: *Beamtenseele* – чинуша, *Bürokrat* – бюрократ ↔ *Beamte* – чиновник, служащий; *Schnauze* – морда, рыло, *Maul* – морда, пасть ↔ *Mund* – рот; *Politikaster* – политикан, *Politikus* – доморощенный политик ↔ *Politiker* – политик; *Phrasendrescher, Phrasenheld, Schönredner* – краснобай, *Schreier, Großmaul* – крикун, *Schwätzer* – болтун ↔ *Redner* – оратор;

5) единице с положительным эмоционально-оценочным компонентом соответствует нейтральная единица: *bezaubernd, spannend* – захватывающий, увлекательный ↔ *interessant* – интересный;

6) единице с отрицательным или положительным эмоционально-оценочным компонентом соответствует полярная по знаку лексическая единица: *schmunzeln, grinsen* – ухмыляться ↔ *lächeln* – улыбаться; *hochaufgeschossen* – долговязый ↔ *schlank* – стройный; *welk* – вялый, дряблый ↔ *weich* – мягкий;

7) единице с отрицательным или положительным эмоционально-оценочным компонентом соответствует нейтральная и противоположная по знаку лексема: *Anstifter, Anführer* – зачинщик, *Aufwiegler* – подстрекатель ↔ *Initiator* – инициатор ↔ *Urheber, Schrittmacher* – зачинатель; *Kittel, Sack* – балахон, ↔ *Kleid* – платье ↔ *Gewand, Tracht* – наряд; *Schädel* – башка ↔ *Kopf* – голова ↔ *Haupt* – глава; *stinken* – вонять ↔ *riechen* – пахнуть ↔ *duften* – ароматно пахнуть.

Многими исследователями отмечается преобладание отрицательной эмоционально-оценочной лексики, а также тот факт, что эмоционально-оценочный компонент слова

имеет более выраженную национальную специфику, чем предметно-логический компонент. Иногда обусловленность эмоционально-оценочной лексики национальными факторами приводит к разному соотношению предметно-логического и эмоционально-оценочного компонента в лексемах разных языков: уготовить (эмоц.) – vorbereiten (нейтр.) – приготовить. Кроме того, эмоционально-оценочные единицы часто не имеют полного словарного эквивалента по предметно-логическому компоненту и могут быть представлены в другом языке рядом синонимических слов (ставленник – Protege, Schützling, Günstling, Kreatur; мракобес – Obskurant, Dunkelman, Finsterling; соня – Schlafmütze, Langschläfer, Schläfling) или словосочетанием (зазнайка – eingebildeter, überheblicher Mensch; белоручка – arbeitsscheuer Mensch; ловкач – gewandter, gelenkiger, geriebener, gerissener Mensch; недоросль – geistig unentwickeltes Muttersöhnchen), либо при наличии такого эквивалента наблюдается различие по сигнификату (лентяй – Tagedieb; сердцеед – Herzensdieb; вояка – Heimkrieger) или несовпадение/отсутствие эмоционально-оценочного компонента (ополчиться – sich rüsten, angreifen, kritisieren).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фомина З. Е. Категориальные и семантические типы эмоционально-оценочной лексики в лексической системе языка. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1987.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.
3. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по фразеологии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978.

Julia Zhuravleva

THE EMOTIONAL-VALUING COMPONENT IN THE MEANING STRUCTURE OF LEXICAL UNITS

The article is devoted to the problems of discovering the emotional-valuing component in the meaning structure of lexical units. Considered are also the possible oppositions, built by emotional-valuing lexical units.

Emotional-valuing component, semem, connotative, denotative, lexical unit

УДК 800.92:519.682

А. А. Шумков

СУБСТАНТИВАТОРЫ И ОРИЕНТАЦИОННЫЕ УТОЧНИТЕЛИ СЕМИФИНИТИВОВ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ

Критически рассмотрены понятия «уточнитель» и «субстантиватор», на примере английского языка исследовано явление субстантивации, приводящее к образованию инфинитива, герундия и существительного. Установлено, что субстантивация проводится ориентационными уточнителями и что субстантиваторов как таковых не существует. Для обоснования рассуждений применено понятие «прочность словарного образа».

Семифинитив, инфинитив, герундий, субстантивация

Понятие «уточнитель», а равно и понятие «субстантиватор» широко используются в так называемой идее двухчастности. В случае семифинитивов глагольных единиц разграничение этих понятий представляет определенную сложность – субстантиваторы становятся слышимо и видимо неотличимыми от ориентационных уточнителей. В английском языке,

например, субстантиваторы семифинитивов глагольных единиц представляют собой образы $to \text{ } ^? \text{ } ^?$ и $^? \text{ } ; \text{ } ^n \text{ } g$, и ориентационные уточнители семифинитивов глагольных единиц представляют собой образы $to \text{ } ^? \text{ } ^?$ и $^? \text{ } ; \text{ } ^n \text{ } g$ (специфичность графического изображения ориентационных уточнителей и субстантиваторов объясняется их способностью аффиксироваться и невозможностью их реконструкции). Тем самым, словарный образ субстантивной единицы можно принять за языковой образ глагольной единицы и наоборот. Рассмотрим субстантиваторы и ориентационные уточнители семифинитивов глагольных единиц более подробно.

Отметим, что посредством ориентационного уточнителя семифинитив глагольной единицы возводится во второстепенный член предложения, а посредством субстантиватора низводится в словарную форму субстантивной единицы. Предположим, что между словарем и языком существует некая среда, в которой обнаруживаются семифинитивы, представляющие собой образы, промежуточные словарным и языковым образам. Из этой среды, вообще говоря, два пути: один – в словарь и другой – в язык. Не исключено, что в случае семифинитива глагольной единицы субстантиватор отвечает за путь в словарь, а ориентационный уточнитель – за путь в язык.

Итак, глагольная единица переменяет словарный образ на промежуточный или, что то же самое, ее словарная форма возводится в семифинитив. При фиксировании в ориентационном уточнителе промежуточный образ глагольной единицы переменяется на языковой или, что то же самое, ее семифинитив возводится во второстепенный член предложения. При фиксировании в субстантиваторе промежуточный образ глагольной единицы переменяется на словарный или, что то же самое, ее семифинитив низводится в словарную форму. Строго говоря, словарных форм субстантивированных семифинитивов глагольных единиц не существует. Скорее всего, существуют семифинитивы глагольных единиц, способные субстантивироваться. Семифинитив глагольной единицы стоит на распутье; он может зафиксироваться либо в ориентационном уточнителе, либо в субстантиваторе.

Если местоположение семифинитива глагольной единицы не вызывает сомнений – он по определению обнаруживается в промежуточной среде, то местоположения ориентационного уточнителя и субстантиватора могут вызывать некоторые вопросы. Любой уточнитель, впрочем, представляет собой языковой образ, способный проникать в промежуточную среду и фиксировать в себе семифинитив глагольной или субстантивной единицы. Основным местоположением любого уточнителя, в том числе ориентационного, является языковая среда. Нам представляется, что любой субстантиватор представляет собой словарный образ, также способный проникать в промежуточную среду и фиксировать в себе семифинитив глагольной или субстантивной единицы. Основным местоположением любого субстантиватора, в том числе субстантиватора семифинитива глагольной единицы, является словарная среда. При подобных рассмотрениях функции субстантиваторов и ориентационных уточнителей семифинитивов глагольных единиц становятся схожими – физический смысл этих функций заключается в фиксировании промежуточного образа в словарной или языковой среде соответственно. По существу, субстантиватор – это тоже уточнитель, но не «прямой», а «обратный». На «прямом» уточнителе образуется член предложения, а на «обратном» – словарная форма. Возможно, мы вообще имеем дело с одним уточнителем, способным двигаться в противоположных направлениях – к словарю

или к языку. Возможно также, что именно поэтому не обнаруживается слышимых и видимых отличий субстантиваторов от ориентационных уточнителей – этих отличий не существует вовсе. При подобных рассуждениях, однако, следовало бы признать, что местоположением такого симбиозного уточнителя является промежуточная среда или же словарная и языковая среды совместно. Мы придерживаемся другого мнения.

С нашей точки зрения, в случае семифинитива второстепенной глагольной единицы мы действительно имеем дело с одним уточнителем. Это вполне стандартный ориентационный уточнитель, который представляет собой языковой образ, способный проникать в промежуточную среду и фиксировать в себе семифинитив глагольной единицы. Основным местоположением этого уточнителя является языковая среда, однако, уходя с зафиксированным семифинитивом из промежуточной среды, он может не вернуться в язык, а отправиться в словарь. Тем самым, в словарной среде этот уточнитель не может быть обнаружен изолированно, как в языковой, а только с зафиксированным в нем семифинитивом.

Последнее предположение нуждается в комментариях. Словарный образ инфинитива или герундия – явление крайне редкое; в некоторых наших работах отмечалось, что инфинитивы и герундии склонны пребывать, в основном, в околословарных образах. С учетом рассуждений, приведенных в настоящей статье, это замечание становится более понятным. Действительно, можно предположить, что семифинитив глагольной единицы, зафиксированный в ориентационном уточнителе, отправляется в словарь лишь на мгновение, за которое он превращается в словарный образ субстантивной единицы, возводимый тотчас же в промежуточный. Словарь является для языкового образа чуждой, если не сказать противоположной, средой, поэтому семифинитив глагольной единицы, зафиксированный в ориентационном уточнителе, крайне редко находит в словаре место и стремится как можно быстрее вернуться в промежуточную среду, а затем и в язык. Отдельного рассмотрения требует случай простого семифинитива глагольной единицы, зафиксированного в ориентационном уточнителе $?_i^n_g$. Пребывание этого языкового образа в словаре может стать не мгновенным, а постоянным, если семифинитив глагольной единицы, зафиксированный в ориентационном уточнителе, превращается в словарный образ субстантивной единицы не нулевой, а пятой прочности. Такому превращению может способствовать слышимое и видимое сходство простого семифинитива глагольной единицы, который зафиксирован в ориентационном уточнителе $?_i^n_g$, с существительным. Мы полагаем, что если простой или сложный семифинитив глагольной единицы, зафиксированный в ориентационном уточнителе $?_i^n_g$, превращается, попадая в словарь, в словарный образ субстантивной единицы нулевой прочности, то эта субстантивная единица – герундий и пребывает в словаре мгновенно. Если же простой семифинитив глагольной единицы, зафиксированный в ориентационном уточнителе $?_i^n_g$, при попадании в словарь превращается в словарный образ субстантивной единицы пятой прочности, то эта единица – существительное и пребывает в словаре постоянно. На основании изложенного можно предположить, что в словаре наверняка обнаруживаются лишь те словарные образы, прочность которых выше нулевой, а в промежуточной и языковой средах – промежуточные и языковые образы любых прочностей. Вероятно, это связано с тем, что словарный образ глагольной / субстан-

тивной единицы не обладает внутренним временем / внутренним пространством, в отличие от промежуточного и языкового образов. Если прочность словарного образа ниже единицы, поместить его на какой бы то ни было носитель крайне трудно; этой прочности, в отсутствие внутреннего пространства, недостаточно для восприятия словарного образа инфинитива или герундия как фактически существующего.

Подведем итог. Простой или сложный семифинитив глагольной единицы, зафиксированный в ориентационном уточнителе $to \ ? \ ?$ или $? \ ; \ ^n \ g$, представляет собой языковой образ глагольной единицы или превращается в словарный образ субстантивной единицы нулевой прочности, в котором эта единица пребывает лишь мгновение (словарный образ инфинитива или герундия). Для простого семифинитива глагольной единицы, который зафиксирован в ориентационном уточнителе $? \ ; \ ^n \ g$, существует возможность превращения в словарный образ субстантивной единицы пятой прочности, в котором эта единица пребывает постоянно (словарный образ существительного). В разрезе подобных воззрений надобность в использовании понятия субстантиватора полностью отпадает – в самом деле, рассматриваемые явления субстантивации связаны с особенностями поведения ориентационных уточнителей $to \ ? \ ?$ или $? \ ; \ ^n \ g$ в промежуточной среде, а равно и с возможностью придания субстантивируемым языковым образам различной прочности. Само явление субстантивации обусловлено продолжающимся в естественных языках процессом увеличения количества субстантивных единиц.

A. A. Shumkov

SUBSTANTIVATORS AND ORIENTATING SPECIFICATORS OF VERBAL UNITS SEMIFINITIVES

A critical consideration of the concepts of specificator and substantivator is undertaken, on English examples the phenomenon of substantivating into infinitive, gerund and noun is investigated. Infinitive, gerund and noun are established to be made by orientating specificator and thus there may exist no substantivators at all. For basing of the arguments the concept of hardness is applied.

Semifinitive, infinitive, gerund, substantivation